

Александр СОЛОВЬЁВ
ВЕТВИ
ИХУА

ДА ЗАРАВСТВУЮТ ЮНЫЕ БИОНЕРЫ —
ДОСТОЙНАЯ СМЕНА
ЛИНИНТСКО-МЕЛАНЕСКОГО СОМОУФЕДА

@ЭЛИТА

12+

Александр Соловьёв

Ветви Ихуа

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6362232
Ветви Ихуа: Аэлита; Екатеринбург; 2013

Аннотация

Роботы-пришельцы захватили Землю. Уцелевшие люди укрылись в подземелье. Прошли века. Под действием внешних факторов образовались две расы – могучие бигемы-дикари и разумные албы. На поверхность люди выходят только ночью – на охоту. Тем временем роботы отстраивают города по образцу тех, что были раньше.

Бигем Сигурд теряет общину и, случайно попав в один из городов, находит там цивилизацию искусственных людей, играющих в грандиозном театре абсурда. Обстоятельства заставляют дикаря измениться, после чего у него появляется шанс повлиять на ход истории.

Содержание

Часть первая	5
1	5
2	28
3	50
4	78
5	96
6	116
Часть вторая	125
1	125
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Александр Соловьёв

Ветви Ихуа

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

*Человек – это будущее человека.
Франсис Понж*

Часть первая

Шедар

1

Когда на подходе зима, все силы общины брошены на заготовку мяса. Мясо – это жизнь. В леднике уже деревенеет сотня зайцев, полтора десятка косуль и даже один килун-недоросток, забитый Юмами, но для шестидесяти четырех бигемов этого недостаточно. Перед «жертвенными» Мерло Джикер огласил, что не хватает около трехсот пятидесяти фунтов. В пересчете на туши это четыре косули или пять десятков зайцев. Нехватку надо восполнить до первого снега, а снег – чхарь бы его пожрал! – может выпасть уже через две-три недели.

Сигурд готов охотиться даже днем. Его крышка – прозрачный купол-защита – искусно переделана из двух албовских. Крышка ничуть не сковывает движения, даже самые умопомрачительные, на какие способен ловий Сигурд. Однажды он охотился после восхода солнца. Мир казался сверкающей бездной, глаза жгло от яркого света, но в тот раз он воротился в убежище с двумя упитанными косулями. За нарушение правил Мерло осыпал его бранью, но Сигурд при-

волок гору мяса, а тот, кто приносит мясо, – герой, и ему все прощается.

Каждый день Сигурд канючит у Мерло, чтобы он разрешил охотиться дополнительно в счет зимней работы. Всякий раз, когда истекает срок охоты, Сигурд чувствует, что есть силы еще на три-четыре приличных скачка. Охота Сигурду по душе – он любит травлю и убийство. Его девиз: «Айда!» Всем сердцем ненавидит он сидеть в мастерской шахты, кроить тряпье, чинить прогнившее отопительное оборудование или детали генератора. Да только вождь упрям. Он всегда артачится, когда замечает, что Сигурд норовит поступить не по правилам. Потому Сигурд вынужден охотиться только по графику.

Но каждую охоту, захлебываясь слюной азарта, он заходит все дальше и дальше на север – туда, где скал меньше и лес гуще. Он рыскает в поисках килуньего следа, ему надо все задачи одним ударом решить. Во-первых, завалив килуна, он станет героем и заработает много браги. Во-вторых, запасов мяса хватит на всю зиму – для всех. Даже на прожорливую белоголовую суку, что месяц назад приволок один из Джикеров – Мохнатый Толстяк Уилл.

Чужачка покоя не дает. Правила таковы, что ежели ты берешь себе в рабыни суку, то до тех пор, покуда не сдохнет либо сам не прикончишь, тебе придется по часу в день выполнять дополнительные взыскные работы. А как по-другому лишний рот содержать?

Но суки едят много. Никак не меньше, чем бигемки. Видал Сигурд, с какой жадностью рабыня объедки со стола уминала. Он не имел обычая особо задумываться, это его природе претило, но в тот раз он мозгами пораскинул и рассудил, что съедает она – будь здоров, а час лишней работы, которую сделает нерасторопный Уилл, не шибко привнесет в общее дело накопления жратвы и материалов. Потому Сигурду не нравилось, что Уилл приволок в шахту эту лупоглазую уродку. А что, как она колдунья?

Но сам Уилл, похоже, был всем доволен. Он и не думал прогонять или убивать рабыню, и за колдунью ее не считал, а только то и делал, что дрюкал днем и ночью. Недаром говорят: суки дело свое знают, в постели они половчее бигемок.

Да только ему, самому неистовому охотнику, плевать на то, что там эти блудливые суки в своих вонючих постелях вытворяют. Сигурд ненавидит их, как и всех албов, за длинные белые патлы, болотные глаза, бледную, как рыбий пузырь, кожу и тонкую кость. За то, что подлые албы мать его прикончили.

Впрочем, и рыжих плечистых бигемок он любовью не особо жалует, так что нечасто с ними заговаривает. Сигурд вообще не любитель трепаться. Ярость его гложет – и это даже не какое-то там чувство, ведь чувства, вроде голода или хандры, приходят и уходят. Ярость – одна из сторон его чудовищной силы: она никогда не исчезает, она внутри спрятана, питает дюжее тело, она позволяет по ущельям носиться

с быстротой ветра и взбираться на скалы с ловкостью хищника. Он знает это и доволен собой, – он чувствует собственную силу и видит свои отражения повсюду: ненавистью блещут его маленькие, близко посаженные глаза, и ненавистью насыщено его горячее дыхание.

Как-то раз Сигурд заявил дяде Огину, что хотел бы, чтобы чужачка валила куда-нибудь из ихней шахты. Дядя сказал, что где-то на юге, за морем, живут смешанные общины, что так оно, якобы, даже легче. При всей любви к дяде Сигурд считал это брехней – не меньшей, чем существование Пустых Земель, над которыми будто бы не летают демоны. Тогда Сигурд обратился к Мерло: пускай колдунью прикончат, не то он сам это сделает. Мерло нахмурил бледные – почти как у албов – брови и ответил, что она вовсе не колдунья, и что до тех пор, пока Уилл будет правила соблюдать, только он один и сможет решать ее судьбу.

«Ну, ты... вождь!» – Сигурд злобно засмеялся ему в лицо и ушел.

Вот уже сто семь лет, как железяки не суют лапы в природную шахту на плато Шедара: щелевидный вход в нее прячется на дне воронки, среди валунов и кустарников. Изрядная глубина защищает жителей подземелья от глаз небесных врагов, что взирают на землю сквозь кроны деревьев. Пар от обогрева в зимнюю стужу не валит вверх, он рассеивается в боковые щели.

Сто семь лет обитают здесь бигемы: они умело маскируются, путают следы, избегают дневной охоты и соблюдают Всеобщий Закон Территории.

Болтают, что первыми сюда забрались предки Мерло Джикера, пришедшие с восточных холмов, что будто бы они обнаружили на дне шахты несколько десятков бигемовских скелетов да ржавый хлам. Кое-что удалось починить, остальное соорудили из того, что с собой приволокли, и, хоть в новых лесах не так-то легко обжиться, переселенцы оказались опытны и освоились в два счета.

Говорят, что на тех землях, где в убежищах отыскивают скелеты, чистка уже завершена, и жить можно смело, – само собой, ежели бигемовские правила соблюдать. Но ходят, однако, и другие слухи: будто там, где железяки надумывают стройки затевать, бывают нежданные налеты даже на зачищенные убежища.

В общине три семейства: сорока два Джикера, двадцать Юмов и два Дзендзеля – сам Сигурд и его дядя.

Дядя Огин – единственный человек в мире, за кого Сигурд готов броситься в драку со стаей волчищ, с медведем, а то и с железякой, а горный массив Шедар с его скалами, пещерами, шахтами, сосновым и буковым лесом для Сигурда – все мироздание.

Мать Сигурда уже двенадцать лет как погибла во время одного из албовских набегов. В те времена их скромная община состояла из шестерых Дзендзелей и пятерых Ченов. Из

одиннадцати в живых осталось трое. Огин увел Сигурда и его маленькую сестру Кару задним ходом и через несколько недель скитаний им троим пофартило прибиться к Джикерам. В сравнении с Джикерами Дзендзели были неотесанными, зато от природы крепкими и выносливыми.

Кара умерла три года назад, так и не родив своего ребенка, зачатого от одного из Юмов. Через полгода этот Юм – высокий зеленоглазый парень по имени Гатт – погиб во время парной охоты с Сигурдом, и один только Сигурд знал, что на самом деле случилось.

Сигурд умел ненавидеть, умел помнить прошлое, но вот чего он не умел, так это о чем-либо жалеть.

– Вставай, – трясет за плечо дядя Огин.

Сигурд разлепляет веки. Плечистый горбатый силуэт маячит над ним на фоне серого купола пещеры, покрытого натеками. В закоулке Дзендзелей нет своей лампы, но освещения, которое проникает из среднего штрека, хватает, чтобы свободно ориентироваться и даже всякие бытовые дела делать.

«С кем охочусь? Тьфу, дерьмо! С Обезьяной Своном!»

Сигурд садится, с кряхтением вычесывает на поясице спиногрыза.

– Шибко дрыхнешь, – ворчит дядя Огин. – О, Спаро великодушствующий, помоги растолкать лежебочище. – Эти слова он повторяет всякий раз, как будит племянника, вот уж

двенадцать лет, что он Сигурду за отца и мать приходится.

– Завалю килуна, – отзывается Сигурд и на ноги вскакивает.

Два прыжка – и он уже у проема, что ведет к отхожему месту. Проскальзывает в расщелину, пробегает по узкому проходу и останавливается на краю пропасти – как раз под маленькой лампочкой, прицепленной к своду в трех футах над головой. Помочившись в темную гулкую бездну, бросается обратно.

– Дядя Огин! Слышь? Нынче килуна завалю! Во как!

Сигурд гогочет, сотрясается от злобного смеха, – вспыхивают маленькие глазки дяди Огина, спрятанные под выступающими надбровными дугами.

– Гляди мне, Сижику... – Дядя Огин хватает племянника за плечи. – Ежели станешь к Северной Черте бегать, то таво... старому Джикеру пожалуйюсь, пушай в твоём черепке балабанку-то прибавит, чтоб ты не энто...

– Чего не энто? Он и так, небось, прибавил, – бурчит Сигурд, освобождаясь от цепких дядиных рук и яростно почесывая у себя под ошейником. – Не знал? Так вот, прибавил. Башку теперь сносит – хана...

– О, Спаро... – удрученно вздыхает дядя Огин.

Сигурд снова гогочет, хватается со столика кувшин с водой: три глотка – и пуст. Ставит на место, причмокивает.

– Что за дела, дядь Огин? Дрыхни давай. Слышь... говорю тебе, с килуном ворочусь. Узнаешь.

Насильно уложив дядю в постель, он притискивается к нему – так они всякий раз делают перед выходом на верхняк, кроме тех случаев, когда вместе охотятся.

– Не бегал бы к Северной Черте, Сижик, – шепотом уговаривает дядя Огин.

Сигурд отвечает ухмылкой, натягивает до бровей вязаную шапку и, схватив крышку, бросается в штрек.

Не по душе ему, конечно, когда дядя недоволен. По большому счету мог бы и пообещать, что не подойдет близко к Северной Черте, да только врать Сигурд не умеет, особенно дяде: больно уж к нему привязан.

Ладно. Первым делом – в кухню, ужинать. От одной только мысли рот слюной наполняется.

Деревянные бочки разят остротой. Это в них брага созревает. Ух, до чего же приятно этот запах ноздри щиплет.

На столе для охотников еще пусто.

– Где жрать? – спрашивает Сигурд у стряпухи Дины нарочито грубым тоном.

Он всегда приходит на пять минут раньше, и бабы каждый раз не успевают подать.

– Шибко ты хош, – недовольно, но с боязнью ворчит скуластая Дина.

Сигурд ухмыляется. Он удовлетворен: любит, когда его боятся.

Дина спешно рубит на широкой доске печеное мясо и зелень. На секунду оборачивается, открывает рот – точно хо-

чет что-то сказать, но раздумывает и снова прячет маленькую рыжую голову за сутулой спиной.

Сигурд прислоняет крышку к серой стене, валится на скамью. Упирает локти в столешницу, почесывает бороду, ждет, мрачно разглядывая Дину из-под бровей.

Сколько ей лет, этой сгорбленной, плешивой гримзе? – ворочается мысль. – Сколько? Тридцать? А может, сорок пять? У нее двое пацанов, двое маленьких рыжих Джикеров. Их беречь надо, уму-разуму учить, кормить – до тех пор, пока не вырастут... Помнится, однажды они чем-то захворали, и Дина вместо того, чтобы еду готовить или одежду починять, сидела над ними, выхаживала... Нет! Надо было дать природе самой решить, жить джикерятам либо подохнуть.

Сигурда это раздражало. Сам он сроду не хворал – во всяком случае, не помнил за собой такого. День-другой – и любая рана на нем сама собой затягивалась, а коли небольшая, то и за несколько часов. Бигемы – они ведь не албы мягкотелые, негоже им на мелкие царапины и болячки внимание обращать. Белобрысы – так те даже снадобья из трав готовят, колдуны поганые. В тот раз, когда джикерята хворали, Мерло где-то разжился настоями. Дина дала их детям, и те встали на ноги. Сигурду это не нравилось: ежели бы подошли – то и поделом.

Мать говорила, вот когда ему шестнадцать стукнет, тогда он непременно должен себе одну из вызревших девок взять.

Девочек у бигемов рождалось вдвое меньше, чем пацанов,

но пацаны, вырастая и превращаясь в мужиков, гибли куда чаще. Когда наступал половозрелый возраст, парням приходилось состязаться за право обладать девкой. Тупое это дело – из-за баб морды друг другу квасить, из-за тварей этих! – так считал Сигурд. Плечистые, сутулые, с толстыми ляжками, маленькими черепками, покрытыми редкой рыжей щетиной, лысеющие раньше мужиков...

Когда решалось, кому достанется Кара, сестра Сигурда, за нее бились Красавчик Гатт, Обезьяна Свон (оба из рода Юмов) и толстый, неповоротливый, обросший густой шерстью Уилл. С самого начала никто не сомневался, что исход поединка будет в пользу Гатта: на ту пору он был самым сильным в общине. Поединок длился несколько секунд, красавчик Гатт одолел соперников, почти не напрягаясь. Кара ушла с ним в один из закоулков Юмов.

Сигурд скрежетал зубами, крошил в руках камни, он ненавидел Гатта, забравшего сестру, ненавидел всю общину и ее правила, но пришлось смириться.

Через год Кара умерла: беременность ее погубила, а вернее, сучий сын Гатт, и он за это поплатился.

Потом, когда подросла тощая, жилистая Джус, за нее должны были драться Свон, Уилл и достигший совершеннолетия Сигурд. Сигурд сказал, что Джус ему без надобности. Тогда Свон, побив рохлю Уилла, взял ее себе. Толстяк Уилл долгое время оставался один, а месяц назад привел эту заблудившуюся суку.

Теперь у всех молодых охотников есть жены. Только у Сигурда никого нет. И не надо! – считал он.

Дина поставила перед ним мятое блюдо с горой нарубленного мяса и валом зелени вокруг.

Сигурд знал, что все слопают и все равно останется голоден.

– Здорово живешь, громила! – это Обезьяна Свон. Он бухнулся напротив.

«Завалю килуна, а тебя, зараза, пусть чхарь пожрет», – подумал Сигурд и, опустив голову, зачавкал.

Того килуна-недоростка, что ныне в леднике лежал, три недели назад забил в лесу Свон на пару со своим старшим братом Флаем. Теперь оба – герои.

Из-за этого Сигурд не находил себе места, особенно в те минуты, когда две эти рожи – Свон и Флай – на глаза попадались.

– Кушай, Свон, – ласково сказала Дина, ставя на стол еще одно блюдо.

– Хех... зайка... ишь, откормился! – Свон, которого Обезьяной прозвали за большие, поросшие шерстью уши, расплылся в простодушной улыбке. Он с жадностью впился зубами в брызжащий жиром кусок.

– Чтоб он тебе поперек стал, – буркнул Сигурд.

– Злой ты, – сказала Дина и отошла.

Бежать! – Сигурд в мыслях уже мчал по склону горы.

Всегда у него как-то не ладилось с парной охотой, даже в

те редкие разы, когда пытался все по правилам делать. «Плечо товарища» – об этом то и дело талдычил Мерло. Сигурду начхать.

В охоте он – медведь. Сам загонял жертву, валил ее, душил, задирали... Ежели вдвоем, так это уже не герой, считал он.

Мощные челюсти охотников двигались скоро, и через несколько минут подносы оказались пусты.

– Славно... – похвалил Свон, звучно отрыгнул и, вытерши руки об штаны, накинул на плечи подрамник. – Дина, завяжи.

Сигурд всегда делал это сам. Ни разу еще никакая баба не помогала ему надевать крышку. Еще чего! Крышка – знак доблести. У кого она была, у того и право наверх вылезать. Крышка – доспех воина. Негоже, чтоб бабы его своими руками мацали.

Весь верхняк захвачен демонами-железяками – подлыми тварями, посланцами чхаря. Злобный чхарь – пять сотен лет назад он прикончил прежнего бога, захватил землю и небо и поставил железяк на стражу своего гнусного порядка. Дядя Огин говаривал, что до этого бигемы и албы якобы вкупе жили, – да только все это, конечно, байки.

Крышки придумали албы три века назад, когда пожируха спала, и люди стали понемногу из нор вылазить. Демоны сидели в тех штуковинах, что по небу ползали, и прямо оттуда бигемов по каким-то особым лучам отыскивали: лучи эти,

вроде как, мозги испускают. Без крышек, стало быть, нельзя свободно по земле гулять.

Летают демоны над землей и день, и ночь, чтоб им сдохнуть. Заметят хоть одного человечка – и давай местность прочесывать туда-сюда, и карают нещадно, вытравливают, выжигают, выцарапывают, – камня на камне от людских убежищ не оставят. Так что крышки для охотников – спасение, они их невидимыми делают для тех небесных тварей.

Жаль только, что это белобрысые албы, а не бигемы крышки придумали, ну да ничего не поделать: надо смиряться с этим досадным фактом.

– Сверим часы, громила? – предложил Свон. – На моих – двадцать три да еще пятнадцать. А свои-то еще не кокнул?

Сигурд глянул только для виду. Наручные часы ничего для него не значили. Доверял он тем часам, что в голове: чутью.

Сигурд рывком накинул на плечи раму крышки, закрепил. Двумя резкими поворотами туловища надежность проверил.

– Ну че, ты, Обезьяна... айда? – покосился на Свона, с презрением ухмыльнулся: пусть, мол, и не думает, что он – Сигурд Дзендзель – его к себе в пару берет.

– Давай, громила, – не моргнув, ответил Свон.

Они поднялись разом, молча вышли из-за стола и пошагали в центральный штрек, оттуда – к порогам. В закоулках Джикеров засмеялось дитя – там еще не спали.

Они обогнули натечную колонну, прошли мимо пещеры Мерло. Сигурду почудилось, что вождь наблюдал за ними из темноты. Смотри, смотри, старый хрыч...

«С килуном ворочусь!» – сказал про себя Сигурд.

Не входя в скачок, перемахнули через круглую глыбу: она вздымалась перед первым порогом. Тут, на первом пороге пришлось, как всегда, поднапрячься. Несколько десятков футов отвесной стены одолели на одном дыхании. Оказавшись наверху, растерли ладони, стряхивая цепняк (по-умному зараза эта гипертонусом зовется: из-за нее, бывает, руки-ноги так сводит – аж глаза на лоб лезут).

Дальше, вперед, вверх... Следующие два порога ниже первого. Без труда одолев их, Сигурд и Свон подступили к отвесному стволу. Он состоял из цепи расщелин и узких колодцев протяженностью в шестьсот футов.

Этот путь Сигурд мог преодолеть за сорок три секунды. Он чемпион общины по отвесному бегу, и никто еще не побил его рекорд. Свон уступал ему почти на полминуты. И сегодня Сигурд решил, что не мешало бы показать Обезьяне его место.

Вперед, к небу, к просторам, в леса... Бежать!

Войдя в скачок, он включил наручный светильник и первым бросился вверх.

Ночь распростерла над верхним платом Шедара свои черные крылья. Небо беззвездно. Природа на стороне охотни-

ков: слои облаков прятали их от ненавистных демонов.

Сигурд стоял на краю огромной воронки. В темноте он видел отменно. Звездного света, просочившегося сквозь толщу облаков, достаточно, чтобы силуэты валунов и низкорослых кустарников окрасились серым.

Со стороны моря слабым потоком дул ветер. Плавно колыхались стебли сухой травы. Сигурд весь превратился в слух. Уши улавливали шорохи, долетавшие из горловины шахты. То мчался из нутра горы на верхняк, сигая с выступа на выступ, Свон. Вот он выскочил из разинутой пасти колодца в самом центре воронки и к Сигурду, железака ему в печенку.

Свон застыл на месте в трех шагах от Сигурда, перевел дух, несколькими движениями стряхнул цепняк и начал растирать ладони: куда теперь?

– Задождит, – заметил шепотом. – Айда в Тисово.

Таки он идиот, этот Свон. В Тисовом ущелье килунов не бывает. Килуны все на севере.

– Шуруй, куда хош, – отозвался Сигурд.

Бежать!

На ум пришли слова одного из «жертвенных»: «Ветер – дыханье, камни – глаза, воздух – душа, земля – мое тело...»

А куда бежать? Ясное дело, не в Тисово. На север надо, к Черте. Чтобы туда пройти, необходимо крюк сделать. Сначала – вперед, на юг. Затем – на Вертукаль: то бишь, сперва вправо, к расщелине, а по ней – вниз, на нижнее плато.

– Слышь, Обезьяна? Ты это... шуруй, куда надумал, в Тисово. – Сигурд умерил суровость, задумчиво посмотрел на застывшую улыбку Свона. – А я – тудой...

Не говоря больше ни слова, он слетел с места, помчался по вздымающемуся на юго-запад плато, едва касаясь ногами твердой почвы. Главное, чтобы Свон следом не увязался.

Ветер ударил в лобовую пластину крышки. На бегу Сигурд перепрыгивал через мелкие воронки – ими все плато усеяно.

Бежал как обычно – кривокосом. Бигемы намеренно кривокосом бегали, чтобы тропы не оставались.

Через несколько минут Сигурд был на краю обрыва. Внизу отвесная стена в полторы тысячи футов. Отсюда открывался вид на долину реки Антары. За ней уже начинались отроги западных гор – там жили белобрысые. Раньше там жил Сигурд с матерью, сестрой и дядей Огином.

Сигурд свернул, перебрался через три больших валуна и прыгнул на широкую ровную площадку – она заканчивалась расщелиной. Отсюда шел вниз крутой каменистый склон, по нему змеились, обрываясь то там, то здесь, гладкие русла дождевых ручьев.

Вот она – Вертукаль. Ежели пойдет ливень, склон превратится в водопад, – потому Свон и предложил идти на восток, в Тисовое ущелье.

Нет, о дожде Сигурд не беспокоится. Он входит в скачок и с разбегу бросается вниз.

Тысячи раз он слетал по Вертукали. Каждая ложбинка и всякий выступ ему знакомы, нет надобности думать о них: ноги сами находят ступени, руки знают, когда и за что ухватиться, чтобы не проскочить поворот и в пропасть не ухнуть.

Не проходит и трех минут, как он оказывается на широком лежневом выступе, простирающемся вдоль стены. Не давая себе времени на отдых, Сигурд мчится на север.

Отсюда выступ расширяется, превращаясь в нижнее плато. Слева гребнем отрога, поросшим деревьями, он спускается к реке.

Сворачивать рано. Эта часть леса бедна живностью. Здесь водятся только мелкие грызуны да ящерицы.

Стена уходит вправо, впереди открывается равнина – просторная, местами всхолмленная, поросшая можжевельником и небольшими группами сосен. Поодаль заросли густеют. Там плато идет под уклон, постепенно обрастая густым сосновым лесом.

Добежав до леса, Сигурд останавливается в зарослях: нужна передышка. Он прислушивается, принимаивается...

На ветру постанывают верхушки деревьев. Вдалеке вскрикивает птица. Какая-то мелкая тварь копошится под мягким хвойным ковром.

«Ветер – дыхание... земля – мое тело...» – звучит в голове...

Сигурд постоял несколько минут и снова отправился в путь. Крался тихо, не спеша, огибая стволы сосен, мало-по-

малу сворачивая к западу. Слева, за зарослями, в сотне футов отсюда, равнина уходила вниз – сперва полого, затем круто, местами едва ли не отвесно. Впереди – годящееся место для спуска. Там, внизу, – долина и два ущелья, все Антарским лесом покрыто, семь миль до Северной Черты.

Сегодня Сигурд не собирался туда идти. Он миновал спуск и через полчаса достиг конца плато, пробрался по гребню и оказался на краю обрыва. Слева, из-за деревьев серела скалистым боком гора Антара. Сигурд свернул и вскоре дошел до невысокого спуска. Сойдя вниз, попал в северный буково-дубовый лес.

В его распоряжении участок полторы квадратных мили. Дальше – Черта.

Ежели подступить слишком близко, сторож в ошейнике очнется и станет по мозгам балабанить, – голова вмиг резыю-грызыю наполнится, и будет ее на части гомон разламывать, в глазах вспышки заблещут.

До того, как Мерло проклятую балабанку прибавил, еще куда ни шло, можно было запросто приблизиться к Северной Черте вплотную, порой пересечь ее и углубиться в запретную зону на пару миль – к небольшому заболоченному озерцу, возле которого водились килуны.

Теперь атака на мозг начиналась футов за восемьсот до Черты, а с каждой пройденной сотней шагов усиливалась, превращаясь в бешеный штурм. Долбанные правила общины!

Ухо ловит шорохи. Чавканье, хрюканье, взвизгивание и уханье килунов ни с чем не спутаешь. Это не килуны. Это ветер шумит в ветвях.

Сигурд движется на север. Сознание сосредоточено, только краешек разума мусолит мысль о дяде Огине: он будет горд, ежели удастся притащить желанную добычу.

Снова шорохи. Где-то ворочается, зарываясь в листву, косуля. Сигурд быстро и бесшумно перемещается вбок, уходя с подветренной стороны. Косуля остается слева, до нее шагов двести. Надо осторожно обойти ее и подобраться ближе, чем на сто футов. Этого будет достаточно, чтобы догнать ее в считанные секунды. Обычно животное успевает вскочить и сделать не больше трех прыжков, как Сигурд накрывает его сверху.

Сигурд зол на косулю. Ему нужен килун, но и косулей поступиться нельзя. Косуля – она тоже мясо. Однако, охотясь на нее, он всполошит зверье, обитающее в округе.

Ближе, чем на сто футов. А потом убьет ее голыми руками.

Сигурд замедляет шаг, рыскает взглядом: где след? Чем дальше в лиственный лес, тем толще слой перегнившей листвы, а в нем то там, то сям – проклятые сухие ветки: громко хрустят, ежели наступить. Мягко прыгая с камня на камень, Сигурд углубляется в чащу. Чувства сами собой угасают.

По надобности на секунду-другую он велит мышцам мощью налиться и вновь расслабиться. Удлиняет прыжки, хва-

тается руками за толстые ветви буков, пролетает над поваленными деревьями и не выдает себя ни единым шорохом.

Приземлившись на лысом взгорке, Сигурд замирает. Минуту-другую стоит в бесстрастном ожидании.

Но вот снова отчетливый треск. Верно, косуля не больно крупная. Копошится в ложе, на ночлег укладывается. Теперь уж до нее футов сто с лишним...

Килун на время забыт. Все внимание на косулю. Рот наполняется слюной.

Ближе, ближе...

Сигурд поднимается и перепрыгивает на небольшой камень, снова застывает на минуту, опять прыгает, – и так, пока не подкрадывается к затаившейся в кустах косуле настолько близко, что ухо начинает слышать ее дыхание. И тут оно становится тише, – косуля тоже что-то чувствует.

Скачок!

Стволы деревьев бросаются навстречу.

В темных зарослях – движение. Косуля неуклюже поднимается на ноги, кидается прочь.

Вон пятачок пространства перед валуном, – там он накроет жертву. Прыжок... Еще...

И в этот миг громкий треск веток где-то справа –
(Килун!!!)

– заставляет резко свернуть с намеченного пути.

(Килун! – он несется, ломая сухие кустарники! Огромный вепрь!)

Косуле невдомек, как ей повезло: она по-прежнему мечется по темному лесу, натыкаясь на стволы буков и колючие заросли, ранит себе грудь и ноги, но на самом деле она уже вне опасности – охотник захвачен новой погоней.

Килун чуть дальше, чем в первый миг показалось Сигурду: рвется вглубь леса, снося кусты и сухолом на пути.

Сигурд теряет секунды, чтобы одолеть осыпь и выйти на одну линию со зверем – и вот уже промежуток больше.

Он мчится быстрее, на бегу выхватывает из-за пояса нож. Прыжки все шире, но и килун со всех ног драпает: верно, ему уже случалось попадаться бигемам, а может, просто издали ловил их опасный плотоядный запах.

Килун-то места знает, вовремя успевает свернуть. Сигурд проскакивает поворот, налетает на шершавую глыбу. Опять несколько секунд теряется...

Сигурд продирается меж завалов камней и веток. Выемка... пригорок... поваленный ствол. И вот земля становится ровнее, деревья – выше, а просветы между ними – больше.

Сигурд усиливает скачок. Наконец-то! – цель видна: впереди мелькает зад вепря.

Быстрее... Нет, опасно: это лес, не равнина. Но вот лес редет, просматривается на добрых полторы сотни шагов, теперь можно поднажать.

Расстояние между охотником и жертвой стремительно сокращается. И вдруг в голове три коротких всплеска, один за другим: это первый, предупредительный толчок. Через три

сотни футов он повторится, а еще через три в голове разразится бойня.

Сигурд крепче перехватывает рукоять ножа. Удар должен быть точным. Единственным! На такой скорости бить надо только наверняка. Нож – в цель, а сам – прочь от летящей кубарем туши.

Еще сто пятьдесят футов, – килун уже близко, – тяжело стучат по земле копыта, дыхание надрывисто.

Кроны дубов и буков густо смыкаются над головой, – темно в лесу.

Чтобы не врезаться в невидимую преграду, Сигурд на секунду сбавляет скорость, но тут же становится ясно: он упустил момент для прыжка.

Снова просвет, – состояние скачка на пределе.

Всплески!

Впереди – Черта. Впереди – черный тоннель. Впереди – запретная зона.

Снова темно, нельзя прыгнуть, промах может стоить жизни.

Гравий летит из-под килуньих копыт, бьет по крышке.

Просвет, – килун огромен, – он устал, – пора! – в атаку!... Прыжок! – мгновение подошвы ощущают твердую волну спины, – рука хватает толстую шерсть на загривке, – ярость! – удар! – длинное лезвие входит в бок чуть позади передней ноги, – волна проваливается в пустоту, чтобы тут же встать на дыбы, – рука скользит по шерсти, – Сигурд от-

талкивается и взлетает, хватается за ветвь, – его перебрасывает, переворачивает, он летит навстречу тьме, а под ним с ревом проносится смертельно-раненый вепрь.

Толчок, неудачное приземление, но он все еще в скачке, он успевает кувыркнуться – прямо через купол крыши. опасный трюк, на секунду мозг становится доступен наблюдателям сверху, ежели они там есть.

Сигурд раздирает рукав, царапает кожу и налетает на поваленный ствол. Сбоку обрывается визг килуна.

В следующий миг по всему лесу разносится тяжелый вздох – это дождь ударяет по лиственной крыше.

Сигурд вскакивает на ноги. Темно... Килун может быть жив... Подранок еще опасней. Добро бы светильник включить, уши проверить: коли жив, то прижаты. Нет, нельзя: вспышку могут засечь через дыру в облаках.

Жив еще... тяжело, прерывисто дышит.

Сигурд перепрыгивает через килуна, находит рукоятку: цела, не погнута. Он подтягивает нож, – еще два коротких тычка и резкий рывок. Тело килуна сотрясает судорога. Сигурд отскакивает на несколько шагов, его охватывает теплая радость: он завалил килуна!

Дождь шуршал в кронах, но еще ни одна капля не упала на землю.

Сигурд стоял, широко расставив ноги. Он внимательно вглядывался в очертания неподвижной туши. Отсюда до подъема на верхнее плато около девяти миль. В одиночку перетаскать крупного килуна будет нелегко, особенно, ежели учесть то, что сегодня Сигурд много раз входил в скачок.

Потерев ладони, чтобы освободиться от остатков цепняка, он подошел к килуну и с силой пнул в бок. Постоял немного, потом внезапно упал на колени, задрал килуну переднюю ногу и одним махом рассек грудину. Быстро вытер лезвие о бок, убрал нож. Он ослабил ремни на плечах, сдвинул раму крышки назад, после чего широко развел края раны и, склонившись, припал губами к горячему ручью. Пил долго и жадно, не думая ни о чем, пока кровь не перестала течь. Облизал губы, перевел дух. Недурственно...

Не вставая с колен, Сигурд стал постепенно наполнять мышцы полустачком: надо выбрать наилучшее усилие, не переборщить, – иначе до убежища не дотянуть. Туша весила не меньше пятисот фунтов. Крышка мешала взвалить ее на плечи. Ничего другого не оставалось, как тащить волоком.

Сигурд снова закрепил крышку, развязал обвитый вокруг пояса трос, сделал петлю и, накинув ее на задние ноги, туго

затянул. Вырезал из буковой ветки удобную ручку и закрепил ее на тросе. Готово!

Кровь придала силы. Теперь можно рвать без передышек до самого подъема на верхнее плато. Путь займет часа полтора, от силы два. Останется ли в теле запас, чтобы поднять килуна по Вертукали? Кто знает? Ежели что, килуна можно будет камнями завалить – так, чтобы зверям не достался – и двинуть за подмогой. Неужто подмога двух-трех соплеменников умалит его поступок?

Для того чтобы дотащить килуна до Шедара, понадобилось больше времени, чем рассчитывал Сигурд.

Пройдя сотню шагов, он понял, что за голову волочить будет легче, – тогда жесткая шерсть не станет препятствовать движению. Как это он сразу не догадался? Верно говорят: век живи – век учись. Не беда, все-таки это его первый большой килун. Сигурд сделал надрез под нижней челюстью килуна, пропустил трос в клыкастую пасть и, вытянув конец через прорезь, обвязал вокруг основания головы. Попробовал, потянул. Тащить стало заметно легче.

По пути килун дважды застревал в зарослях, один раз съехал по склону, когда Сигурд преодолевал узкий участок гребня. Но это не сердило его, – он возвращался домой с лучшей добычей, которую только можно пожелать. Его ждет признание. Ему дадут много браги.

Он шел и шепотом разговаривал с дядей Огином. Мешал

дождь – по крышке тарабанил. Мало-помалу усилившись, он размыл глину на открытых местах. Ноги скользили.

Чтобы время шло быстрее, Сигурд стал шепотом напевать поочередно две песни, которые знал: «Сон крепкой собаки» – грустную, про то, как собаке, вожаку стаи, снилось, как раньше она и человек были друзьями, но злобный чухарь их рассорил, и вторую – «Спящие боги» – про то, что каждый человек – частица Спаро, и в каждом человеке есть его дух. Слова второй песни Сигурду не нравилась, но у нее был простой и приятный мотив.

Часа через два Сигурд добрался до края соснового леса. Уже на подходе ему почудилось, что кто-то вопил на горе. Что за дела? Может, это Свон зовет его? Сигурд остановился, прислушался. Крик больше не повторялся. Однако к шесту дождя примешивалось еще что-то – ровный гул: не то шум ветра, не то журчание реки. Да нет: нынче затишье, а река в другой стороне. Прежде чем выйти на открытое пространство нижнего плато, Сигурд отпустил трос и, подбежав к крайним деревьям, выглянул из-за них.

На верхнем плато был свет! Проклятье!

Дошло сразу: там железяки убивали бигемов.

Небо стало красным...

Перед тем, как Сигурд вспомнил о дяде, он успел подумать, что бигемы погибнут, так и не узнав про его килуна. В воображении появилось лицо дяди Огина. Сигурд застонал.

Свон! Тупой Свон! Он прокололся...

Дядя Огин!..

Забыв о килуне, Сигурд рванулся вперед, на равнину.

Он бежал, ни о чем не думая, исторгая из груди частые стоны.

Оказавшись на открытом месте среди широкой каменистой поляны, он вдруг осознал, что ночь близилась к концу, за скалой уже брезжил рассвет.

Он бросился в сторону, в заросли мокрого можжевельника. Пригнулся. Вперед, к самому краю плато, под кроны сосен. Оттуда – к подъему.

Дух Спаро, помоги!.. Дух Спаро, помоги!

Добежал туда, где плато переходило в голую каменистую полосу, остановился, рухнул на мокрую землю. Он колотил по ней кулаками, он рычал и содрогался, как большой раненый зверь...

Мозгов хватило, чтобы предостеречь себя от самоубийства.

Вверх ходить нельзя, решил он, когда первый приступ боли прошел. Там – твари. Они убивают дядю Огина...

Кулаки в крови...

Долбанные железяки! Твари...

Почему у него нет оружия, которое убивает железяк?

Снова наверху послышался сдавленный крик. Кто кричит? Он не узнал голос.

Ежели взобраться на верхнее плато, можно себя выдать. У железяк тысячи глаз. Они запросто найдут его и тут.

Сигурд вскочил и побежал назад. Через пять минут он был снова в лесу. Выбрав сосну повыше, вскарабкался на нее, попытался рассмотреть, что происходит вверху, но виден был только свет железного демона-геликоптера, висящего над воронкой. Да, слышал он об этих тварях...

Сигурд слетел вниз, заметался по лесу.

– Дядя Огин... дядя Огин... – бормотал, глотая слезы.

Наконец он упал на влажный ковер из сосновых иголок недалеко от килуньей туши и замер.

Был полусон. В нем Сигурд раз за разом возвращался в шахту. Он успевал предупредить дядю Огина о надвигающейся опасности. Килуна он таскал следом.

Но дядя Огин не хотел слушать. Он махал руками и кричал: «Мы – трупы! Уходи в лес!»

«У меня тут килун! – объяснял ему Сигурд. – Передай Мерло... это я завалил!»

«Нет! – орал дядя. – Уходи! Сыщи другое убежище! Только на север не бегай!»

«Пойду на север», – очнувшись от липкого сна, сказал себе Сигурд.

Но днем идти было нельзя. Дождь закончился, облака расплзлись, показалось слепящее осеннее солнце.

Со стороны верхнего плато лес сверкал: в ту сторону смотреть было невозможно.

Сигурд протер наружную поверхность крышки от капель и иголок, рассеянно побродил вокруг туши и вдруг уселся на нее, отвернувшись лицом к чаще леса.

Как же это так? Теперь-то один совсем. Сначала албы мать убили. Потом бигемы сестре помогли умереть. И вот железяки дядю Огина прикончили, а с ним и всю общину бигемов. Ни единой родной души не осталось, ни одного знакомого.

Бить надо железяк проклятых, на части рвать поганных. Покуда не изведет со света с десяток, душа будет ныть лютой холодной болью, не согреется, не успокоится.

Ствало быть, нечего тут сиднем сидеть... Нет больше дома, чужой теперь Шедар, рвать отсюда надо, да поскорее: чутье к этому призывает.

Но сомнение копошится внутри, теснит Сигурду грудь. Поднимись, поднимись наверх, глянь-ка, что там. Что, как дядя Огин еще...

Сигурд вскочил, большими упрямыми шагами двинул к лесу. Свет больно резал глаза. Дойдя до раздвоенного ствола пострадавшей много лет назад сосны, он присел и стал всматриваться в темные очертания горы. На фоне жгучей синевы неба гора казалась громадным сгорбленным стариком-бигемом. Воронка была скрыта от глаз за краем отвесной стены. Ни железяк, ни их праршивых машин. Но это вовсе не значило, что они убрались. Они могли быть еще там. Истребили общину и теперь в засады залегли, ждут его — ночного охотника, которому пофартило выжить.

Предполагать-то он умеет, он тоже может быть хитрым... Злобные желания захлестнули Сигурда.

– Отомщу... покараю... – заскрежетал зубами и беззвучно затрясся – не-то от плача, не то от безумного смеха.

Пережди этот день, а вечером в разведку сходи... Ведь дядя Огин может быть еще...

Он бросился к килуну, развернул его и потащил обратно в чашу по вчерашнему следу. Когда лес сгустился, и свет перестал нещадно выедать глаза, Сигурд свернул к склону.

Подойти к самому краю мешали заросли.

Сигурд выхватил нож и в два счета отсек килуну заднюю ногу. Откинув ее в сторону, снял трос, затолкал тушу в расщелину между двумя валунами, привалил камнями и ветками. Схватил окорок, бросился в чашу, наполненную теплым, влажным воздухом.

Отбежав на полмили, он присел на поваленный ствол и прямо у себя на коленях стал свежевать килунью ногу. Сроду ему не приходилось шкуру выбрасывать, – все, что на охоте добыто, на хозяйство шло. Содранного куса на целый бутс хватило бы. Сигурд запихнул его под ствол. Вырезал фунтовый клин мяса, секунду поколебался и, впившись зубами, отгрыз ломоть. Сырое мясо ему и раньше приходилось есть, но килунину – впервые. Жестко, невкусно, смердюче... Следовало бы трав поискать, да разве нынче до роскошества? – сытость нужна.

Съев столько, сколько влезло в просторный желудок, Си-

гурд разгреб рядом со стволом хвоею, вырыл ножом и руками яму глубиной в локоть. Он порыскал вокруг, срезал два куста жгучки. Выстелил ими дно ямы, переложил мясо, заранее разделив его на несколько кусков, тщательно накрыл жгучкой, засыпал землей, а сверху – хвоей.

После этого опять двинулся к краю леса. Солнце поднялось выше. Теперь гора была освещена иначе, да и он смотрел на нее с нового угла. Из всех сил шурясь, Сигурд долго и внимательно изучал местность. Ему показалось, что из-за бугристого верхняка плато что-то поблескивает, но это мог быть просто гладкий камень. У Мерло и некоторых старших бигемов были «пригляды» – такие штуки, отнятые у белобрысых, – они позволяли видеть то, что вдалеке, так, точно рядом стоишь. Эх, не было у Сигурда такого «пригляда»...

– Отомщу, – снова прошипел Сигурд, и слова эти немного притупили боль.

Место было небезопасное, и он снова перебрался вглубь леса. Опустившись по отрогу к реке, напился воды и вернулся в заросли. Тут же, на склоне, нашел ложбинку, наполненную хвоей, и улегся в нее. Пролежав некоторое время с закрытыми глазами, он заснул.

Его разбудил внезапный шум. Вскочив, он прислушался, но, должно быть, то был только всплеск крупной рыбы.

Сигурд прикинул, не сходить ли снова на край леса. Сколько времени? Два или начало третьего. Он на всякий случай глянул на часы: так и есть. Сигурд спустился на

несколько шагов, поднялся вверх по склону, но, в конце концов, вернулся на прежнее место, улегся и снова задремал.

Когда он проснулся, воздух был прохладнее, а свет стал мягче.

Солнце спряталось за Антару. Где-то там, на равнинах, которые Сигурд никогда не видел, оно все еще расплескивало свое холодное сияние, а тут, на склоне, уже стоял вечер.

Сигурд сходил к реке, попил воды, поплескался на лицо. Жаль, что он не таскал с собой фляги, как другие охотники. Обычно он легко переносил жажду и сроду не брал на охоту лишних вещей. Теперь фляга пригодилась бы.

Выбравшись на нижнее плато, побродил по лесу. Минут через двадцать понял, что попусту наматывает круги. Зачем понапрасну тратить силы? Он уселся под деревом и просидел почти час, пока не стали сгущаться сумерки. Затем встал и, придя туда, где было спрятано мясо, раскопал его, очистил от жгучки, нюхнул. Жгучка, хоть и осень уже, а силу свою сохранила: мясо было таким же свежим, как утром. «Дина бы его смачно изжарила», – подумал Сигурд, отрезая ломоть.

Наевшись, двинул к цели. В такое время охотники обыкновенно и носа не казали из шахты, но здесь, в лесу, было уже темно – почти как ночью.

Выбравшись из леса, Сигурд вошел в скачок. Несколько перебежек от валуна к валуну – и он у края плато. Съехал вниз по сыпучему склону, мало-помалу стал вперед пробираться, пока вовсе круто не стало. Тогда снова поднялся на

плато и притаился за кустом.

Минут через пятнадцать окончательно стемнело. Пора! Сигурд выскачил из укрытия, ринулся к Вертукали. Бежал в полсилы: нечего до времени скачок расходовать.

Что там, наверху? Ежели железяки убрались, надо будет в шахту спуститься, проверить их с дядей закоулок, взять, что осталось...

Эх, мало о железяках он знал — лишь то, что дядя Огин рассказывал, да еще Мерло Джикер на собраниях. Железяки убежища взрывают, ежели кого в них находят, да так, чтобы после жилье уже отстроить заново нельзя было. Кабы они шахту развалили, грохот на весь лес стоял бы. Однако ночью шум едва был слышен.

Достигнув стены, Сигурд свернул и побежал вдоль края осыпи. Оказавшись у начала подъема, глянул вверх, на миг представил себя карабкающимся по Вертукали. Куда ж ты прешь-то, болван?

Мимо, захлопав крыльями, пронеслась летучая мышь. Сигурду предстояло последний раз посмотреть на мир с вершины Шедара либо умереть. Он приказал мышцам налиться сталью и ринулся на стену.

Оказавшись на верхней площадке, он замер. На верхнем плато сегодня было безветренно. Ничто не нарушало тишины.

Постояв несколько секунд, Сигурд рванул с места. Добежал до валунов, забрался на самый высокий из них, украд-

кой выглянул, готовый в любую секунду броситься обратно.

Все как обычно. Ничего чужеродного на плато. Однако еще несколько минут Сигурд не двигался, хотел удостовериться. Наконец он перемахнул через укрытие, скатился с валуна и помчался к воронке. Достигнув ее края, остановился, присел...

А может, все почудилось сдуру? Перенапрягся, за километром гоняя? Может, не было поганных железяк. И нынче дядя Огин там, внизу, изнывает от тоски и боли...

Сигурд со всех ног бросился к дыре. Уже подбегая, он ощутил неприятный сладковато-тухлый запах, заставивший его остановиться у края и прислушаться. Здесь, в воронке, тишина закладывала уши. Бигемов, которых Сигурд обычно чувствовал со ста шагов, поблизости не было. Что же может так вонять?

Он осторожно заглянул вниз. Абсолютная чернота. В несколько привычных движений он добрался до большой ступени, прыгнул с нее на узкую площадку, перешел по кромке на другую сторону спуска, под каменный козырек и только тогда включил свой тусклый светильник.

На миг показалось, что на него смотрит железяка, – точь-в-точь такая, какими он их и представлял. Но тут же Сигурд понял, что это всего лишь выступ на отвесной стене с двумя отверстиями, выбитыми каплями.

Где-то здесь спрятан глазок. Наблюдатель внизу должен сейчас его видеть.

Сигурд начал спускаться. Он топал вглубь, а тухлый запах становился все крепче. От этого запаха голова кружилась, как от браги. Сигурд усилил состояние скачка, но в то же время и перед глазами у него все сильнее заметалось. Запах раздражал до неприятного зуда в груди. Сигурд выругался, тряхнул головой, пытаясь прогнать ощущение, которое мешало спускаться. Он чуть не промахнулся, приземляясь на небольшой пяточок, – замер, вцепившись в стену руками, собрался. Запах сделали железяки – дошло, наконец.

Тут где-то зашуршало. Сверху, из бокового ответвления ствола. То была расщелина, из которой веками вымывалась горная порода.

Сигурд поднял светильник. Ответвление шло под углом вверх.

Выхватив нож, он резко оттолкнулся и прыгнул в расщелину. Тут же к запаху, наполнявшему шахту, примешался знакомый – бигемовский.

Что за дела?

Сигурд шмыгнул внутрь. Ход свернул влево и сразу за поворотом он наткнулся на тело. Припав на колено, развернул лежащего, посветил в лицо. Это был Мохнатый Толстяк Уилл. Глаза его были широко раскрыты, а на губах засохла желтоватая пена.

Сигурд осмотрелся. Ход вел дальше, продолжая подниматься вверх. Перескочив через Уилла, Сигурд бросился вперед. Ответвление сначала сузилось, затем вновь расши-

рилось, стало почти отвесным. Тут воняло поменьше, но было душно. Впереди вырисовался глухой свод. Прижавшись к нему, держась обеими руками за выступы, на камне сидела белоголовая рабыня Толстяка Уилла.

Сигурд выругался и не спеша вынул нож. Какой момент. Сколько ждал. Наконец-то он с этой тварью разделается.

Албианка чуть развернулась, сильнее вжалась в стену. Не мигая она смотрела на светильник. Он знал: белобрысы в темноте видят куда хуже бигемов, а значит, такой слабый свет не мог ее ослепить.

Худое лицо рабыни исказилось от испуга. Не сводя со светильника серых, с зеленцой, глаз, она пробормотала:

– Сигурд... ты? Прошу... выслушай...

Ага, доперла, признала... Чует, стало быть, конец-то свой. Он молча переложил нож в другую руку.

– Пожалуйста, Сигурд... – от страха она стала вдруг задыхаться. – Это терракотеры... они убили всех!

Ишь, как перекосило ее! Вот зараза.

– Эй, сука... что за дела?

– Не убивай... я расскажу... проигожусь... ты, главное, вниз не ходи...

Чего? Как же! Толстяка Уилла никогда не любил, но белобрых – их-то он куда больше ненавидел.

– Огин – там... вот кончу тебя – тады и пойду к нему.

– Не убивай маня, Сигурд... я помогу...

– Заткнись, ты!

«Пора. Только вот... — он задумался, — ежели ей сейчас горло чикнуть... то как же? Кто расскажет, чего тут было?»

Он нехотя опустил нож.

— Ну, ты... сюда шуруй!

Женщина дрожала. Оторвалась от стены, стала спускаться. Двигалась медленно, опасливо. Оказавшись в двух шагах, неожиданно отпрянула.

— Терракотеры...

— А?

— Это они! Железяки...

— У, тварь! — рявкнул Сигурд, снова вскидывая нож. Он что, сам не понимал, кто общину уделал?

Он прицелился... Только вот... Еще минуту...

Что-то мешало. Не иначе, вопрос, на который он не знал ответа.

Как же это так, а? Отчего она жива — эта чахлая албианская сука? Как это она умудрилась проворных бигемов обойти?

Албианка бросилась к стене. Куда там... разве албы могут соперничать с бигемами? Сигурд схватив рабыню за ногу, рванул на себя. Обдирая локти, она с воплем сползла вниз. Волосы цвета мела рассыпались по темному камню.

— Нет! — заверещала. — Отпусти!

Наклонившись, он схватил ее за железный ремень, — албы носили их, никогда не снимая, как бигемы ошейники.

Подняв женщину на вытянутой руке, он неглубоко ткнул

ее ножом в бок. Албианка взывала. На шерстяной тунике появилось пятно.

– Тупица... – заныла она. – Все равно сдохнешь...

– Воздух... чем воняет? – спросил Сигурд.

Албианка перестала трепыхаться: похоже, смекнула, что есть шанс отсрочить смерть.

– Это газ... тут закоулок, запаха нет... – затараторила она. – Потому что воздушный пузырь... газ тяжелее воздуха...

Сигурд потянул носом.

– А? – он понимал, что тут запах и впрямь слабее, а больше ничего не понимал. – Ты отчего живая?

Приподнял ее выше, откинул волосы ножом. Острие чиркнуло по щеке, оцарапало, но женщина даже не дернулась. Держась рукой за рану на боку, она упрямо повторила:

– Тут воздушный пузырь... газ тяжелее...

Хитрит албианка. Мудреными загадками говорит.

Сигурд швырнул рабыню. Она упала на камни, глухо застонала, захлебнулась в кашле.

– Огин... – процедил Сигурд. – Мой дядя Огин. Где он? Ты отчего живая? Ну?

– Я не виновата, – женщина поднялась на четвереньки, попятилась. – Они не захотели... они все внизу.

Ей удалось взобраться обратно под свод. Одной рукой она держалась за окровавленный бок, другую выставила вперед.

Глупая – думает, это защитит ее от разозленного бигема.

Сигурд целил в сердце, готовясь сделать выпад.

– погоди! – отчаянно взмолилась албианка. – Мы договоримся... я... я кое-что знаю. Поможем друг другу... выживем...

Ее глаза горели, она тяжело дышала, она хотела жить.

– Прошу, выслушай, – сказала женщина. – Если не пове-ришь... потом сам решишь, как поступить.

– Тварь! – рявкнул он. – Страшно? Кто я? Дикарь? Вы, белобрысы, много таких уделали?

– Нет! – она замотала головой. – Я никогда никого не убивала. И мои братья не убивали. Клянусь!

– Брехня! Видала, как Огин умирал? Ну! Отчего его нет, а ты выжила?

– Уилл... он меня спас... он первым наружу кинулся. Он поверил, схватил меня, наверх потащил...

Сигурд взвыл. Он потряс ножом.

Албианка застыла. Сигурд на миг представил ее мертвой – почему-то в гладком белом ложе.

Он сплюнул, убрал нож за пояс.

– Говори, – велел. – Медленно... понятно.

– Да! Да! – она вытерла лицо рукавом, ожила. – Послушай... было около четырех утра, все спали... Флай был за пультом... вдруг он объявил тревогу. Он сообщил: на выходе движение, датчик уловил... не летучая мышь, как обычно, и точно не кто-то из вас... Мерло приказал собраться. Двоих на разведку послали – Гая и Джи. Гай вернулся, едва на

ногах стоял. Джи не вернулся... Тут мы все почувствовали его – этот проклятый запах, даже я... Большинство решило отступать в ледники. Я вспомнила, что в шахте карманы... я кричала, пыталась объяснить, что вниз нельзя, ведь ясно: это терракотеры травят...

– Понятно говори! – гаркнул Сигурд.

– Я и говорю... железяки травят... газ до дна добрался... значит, он тяжелее воздуха, всегда вниз и вниз... понимаешь? Я сказала: надо до карманов добраться... Мерло сказал: «да», но другие взбунтовались, некоторые запаниковали...

Сигурд напряженно слушал. Пытался понять, что там на самом деле случилось. Он все больше убеждался, что, перед тем, как убивать белобрысую, разумно будет из нее выжать все, что знает. «Вот так... думай – потом делай», – сказал себе. Он даже попробовал унять гнев, но, должно быть, все равно глядел люто: белобрысая дрожала.

– Возможно, контрольный рейд... Мы поняли: скоро начнем задыхаться... все бросились вниз... твой дядя тоже... Началась суматоха. Тогда Уилл накинуд экран, схватил меня – и к стволу... Уилл мне поверил. Мы увидели Джи, он был мертв... Я вдохнула посильнее, задержала дыхание... а Уилл, он вверх рванул... но чем выше, тем медленнее... иногда он вдыхал... а я терпела. Нас обогнали... два раза... но они падали обратно... И потом я почувствовала, Уилл слабеет... а он все лез... из последних сил... Мы таки добрались... там были гибкие трубы... по ним терракотеры пуска-

ли газ. Тогда я вдохнула...

Тонкими дрожащими пальцами она откинула с лица волосы, украдкой отерла кровь со щеки.

– Концентрация... – сказала она. – Тут она слабее, чем внизу. Но мне хватило. Чувствую, вот-вот отключусь... Мы как раз за край пещеры зацепились. Вижу, Уилл сознание теряет. Пыталась тащить, но куда там... пришлось бросить... Пещера вела вверх, тут я и подумала про воздушную подушку, появилась надежда... Если вверху глухой тупик и нет щелей, газу некуда идти, он заставит воздух уплотниться, но не вытеснит его. Можно пересидеть...

Стало быть, дядя Огин внизу. Они его отравили...

Из груди Сигурда вырвался стон.

Женщина побледнела.

– А Обезьяна? – прохрипел Сигурд. – Он как? воротился?

Она закивала, глянула мельком на раненый бок: кровь пропитала ткань и расплзалась темным пятном.

– А что мясо?.. Приволок? Ну!

– Свон вернулся с косулей и больше уже не ходил наверх.

– Обезьяна прокололся! – прорычал Сигурд. – Точняк... засекли...

– Кто знает... может, это и не его вина. Время от времени терракотеры обрабатывают места возможных поселений. Если бы Свон прокололся, они бы всю шахту взорвали. Скорей всего, это был обычный профилактический рейд. Ведь шахта до сих пор не взорвана, – значит, они не догадались.

Какого чхаря она Свона защищает? Сигурд заскрежетал зубами, но за нож больше не хватался.

Он решил просто уйти.

Отвернувшись, осветил путь обратно. Убивать албианку перехотелось. Только зря руки марать. Пускай идет куда хочет, а нет – так тут поддыхает.

А ему сейчас выбираться надо: в любое время могут опять железяки нагрянуть.

Албианка чуть слышно перевела дыхание.

– Железяки – падлюги, – почти уже бесстрастно обронил Сигурд. – Вонь... Когда она уйдет?

– Не знаю... Концентрация уменьшилась. Шахта сообщается с большими полостями в горе. Ты здесь, значит, газа стало меньше.

Сигурд стал спускаться.

– Постой, – испуганно позвала албианка.

Он не замедлил движения, не обернулся.

– Помоги выбраться... – Она запнулась, испугалась своей дерзости. – Сиг, я пригожусь... обещаю.... хоть на время. Прошу тебя.

Сигурд не ответил. Двинулся дальше, пролез по узкому ходу, с отвращением перешагнул через тучное тело Мохнатого Уилла и добрался до выхода в ствол. От тухлого запаха голова снова пошла кругом. Далеко внизу, в леднике, лежал дядя Огин. Несправедливо.

– Железяки – твари, – проворчал Сигурд.

Ему представилось, как это было: бегут, падают, стонут... Злобный чхарь! Дядя Огин... он умер в муках. Все умерли. Но как бы он сам поступил, будь в ту минуту среди них?

Внезапно что-то на него нашло: он кинулся назад, вернулся к тупику, схватил албианку за руку, потащил за собой. Спотыкаясь о камни, она заспешила следом. Сигурд вспомнил, что албианка ранена. На секунду осветил ее, глянул. Рана обильно кровоточила: крупный, видно, сосуд задет...

Сигурд мимоходом отметил, что албианка закусила губу, чтобы не стонать.

«Ей же лучше, – подумал. – Стала бы вопить – бросил бы».

В узком месте хода он отпустил албианку, протиснулся первым.

– Давай!

Дождался, когда пролезет, схватил за локоть, поволок к выходу.

– Стой! – Внезапно он остановился перед трупом Уилла. Рывком стащил с него крышку и подрамник, кинул ей в руки. – Натяни! Быстро!

Путаясь в ремнях, она стала надевать крышку. Подрамник был ей слишком велик.

– Шевелись! – хрипел Сигурд, быстрыми движениями указывая, куда просунуть ремни.

Она, как могла, приспособила раму, убрала волосы, схватилась за бок, судорожно втянула воздух. Глянув на Уилла, всхлипнула.

Все, айда! Сигурд вошел в скачок, обхватил албианку рукой, взялся за железный ремень, пнул камень, заграждавший путь. Камень ухнул в пропасть, глухо застучал о стены шахты.

Сигурд напряг мышцы. Албианка не выдержала и низко, по-животному, взвыла.

Он бросился в шахту и тут же прыткой ящерицей устремился вверх.

Выскочив из дыры, он отпустил албианку. Она попыталась удержаться на ногах, но колени подогнулись, и она упала на землю. Сигурд поднял ее за ремень и поставил рядом. Что за дурацкий у нее вид в крышке Уилла. Впрочем, ростом она была ему до ключиц – для албианки она великанша. Он кивнул головой на восток.

– Там – тропы. Мне плевать, куда пойдешь. Гляди: слетит крышка – демоны засекут. Тут как тут будут... Вали от меня.

Он развернулся, зашагал к спуску. Ее неровные шаги зашуршали следом. Шуму-то сколько! Ни один бигем так не ходит.

Он шел, насупившись, а позади спотыкалась и падала албианка. Будто нарочно на самые рыхлые места наступала – чтобы хрустело погромче.

Пошагал быстрее – и албианка шаг ускорила. Она уже почти бежала рядом, тяжело, прерывисто дыша.

– Сказано, проваливай! – Сигурд бросился к спуску.

Он был уже далеко, когда его догнал отчаянный крик:

– Я знаю, как убивать железяк!

– Цыц, тварь... – сквозь зубы ругнулся он и побежал обратно с намерением убить. Но пока бежал, передумал.

– Ну! – зашипел на нее. – Учи! Немедля!

Рабыня стояла, согнувшись, но смотрела твердо. Она была готова принять смерть в любую секунду.

– Сначала надо уйти в лес, – сказала, тяжело дыша.

– Нет. Сказано, тут!

Лукава албианка, но и он хитер: вот сейчас он узнает о железяках все, что знает она. Тот, кто не изучил повадки жертвы, – скверный охотник.

Албианка покачала головой и сдавленно, борясь с болью, пробормотала:

– Сначала спустимся с горы. Тут опасно.

– Зараза! – Сигурд заскрежетал зубами. Неожиданно скачок и ярость слились в нем воедино. Он схватил албианку за ремень и огромными прыжками помчался к отвесному спуску. Взлетел на валуны, не снижая скорости, перебросил албианку на плечо, пробежал площадку, на мгновение застыл на краю пропасти, стопоря инерцию, и спрыгнул вниз.

Албианка шла за ним по лесу и бубнила, чтобы не потерять сознание.

Ее звали Руной, она родилась в общине албов двадцать пять лет назад. В общине было всего девять человек, обитали они в искусственной пещере: ее выкопали в жерле вулкана, потухшего миллионы лет тому. Вулкан тот где-то на юго-западе от Шедара – так сказала Руна. Он невысок и далеко врезается в море. Сигурд не слышал раньше ни о каком вулкане на юго-западе. Он много раз видал море издали, со скал, но никогда не был на берегу. Все, что он знал – это охота в горах.

Сигурд мягко ступал по хвойному ковру и не слышал собственных шагов. Под ногами албианки, как нарочно, то и дело потрескивали ветки. Она едва уже тащилась, то и дело выставляла руки, нащупывая стволы, и было видно: слабела с каждым шагом. Она плохо видела в темноте, замедляла ход, опасалась наткнуться на острую ветку. Албианка продолжала бубнить. Голос ее постепенно слабел, но она не переставала вспоминать ненавистных Сигурду албов, возбуждая в нем желание выхватить нож. Ведьма явно испытывала судьбу.

Сигурд терпел и за нож не хватался. Он даже не рычал. Он хотел, чтобы хитрая сука научила его убивать железяк.

Дойдя до поваленного дерева, под которым были спрятаны

ны остатки мяса, он остановился.

– Сядь, – буркнул. – Тут мясо. Сырое.

– Я могу его приготовить, – сказала она, с тяжким вздохом опускаясь на хвою.

Он откопал мясо, бросил ей увесистый ломоть.

– Ну?

Руна ощупала в темноте мясо.

– Разрежь его, – попросила.

Ребром ладони показала, какие ей нужны куски. Отцепила от ремня две пластины – потянулись серебристые нити проводов.

Сигурд мигом рассек мясо на несколько кусков, передал рабыне, стал наблюдать.

Она возилась, кривясь от боли. У нее было вытянутое лицо, тонкие губы, большие, болотного цвета с отливом, чуть раскосые глаза. Такие лица были у древних людей – Сигурд видал их на картинках.

Положив перед собой кусок, Руна прижала к нему с боков пластины и, закрыв глаза, сосредоточилась. Царапина на впалой щеке темнела нелепым продолжением рта.

Не прошло и минуты, как Сигурд уловил запах печеного мяса.

Вот те на! Эта баба таки кое-что умеет!

Он тотчас пришел и к другому заключению: должно быть, она и впрямь о железяках знает.

Руна отвела пластины.

– Ну вот...

Сигурд всадил нож в мякоть. Подул на дымящийся кусок, сцарапнул ногтем прилипшие хвоинки и впился зубами.

Сочно и мягко. Злобный чхарь! Он жадно зачавкал.

Руна взялась за второй кусок, но тут же качнула головой и медленно повалилась на хвою.

Сигурд не стал ее поднимать. Он с аппетитом жевал мясо, искоса поглядывая на албианку. Ему казалось, что сквозь исцарапанную крышку он различает вздрагивание подкожного сосуда на шее, темной рядом с белоснежными волосами.

– Ну, – сказал, доев. – Хватит, что ли?

Албианка не ответила.

Сигурд обхватил колени, устался в землю. Жажда отомстить железякам изводила его. Вместе с тем чутье подсказывало: прежде надо найти новое укрытие, нужна община, никто в этом мире не живет в одиночку. Да только он твердо знал: общину искать не станет. Он будет кочевать по лесам и убивать железяк. Пускай рабыня его всему научит.

– Вставай! – решительно приказал он и, повернувшись, тряхнул ее за плечо.

Руна не шевелилась.

Он ухватил ее за ремень, откинул назад. Темное пятно на тунике расползлось по всему боку.

«Чхарь бы его... – ругнулся в мыслях. – Нельзя, чтоб сдохла...»

Умей он сожалеть о своих ошибках, чему так часто учил

Мерло, наверняка, признался бы себе, что поступил худо, но Сигурд на такую мягкотелость не был способен.

Он наклонился над порезанным боком, пытаясь сообразить, сколько еще протянет албианка с такой раной. Под соснами слишком темно, чтобы толком разобраться. Он повернул ее, подтащил к стволу и прислонил так, чтобы голова держалась прямо. Болтавшиеся на нитях пластины вложил ей в ладони.

Руна сидела с закрытыми глазами, но, судя по искаженному лицу, все же была в сознании.

– Вставай! – рявкнул Сигурд.

«Дохлячка», – подумал он и вспомнил, как дядя Огин говорил, что иногда албы мрут даже от небольших ран. Отсталая раса. Коли бы не их долбаное оружие, бигемы давно бы отобрали у белобрысых их пещеры.

Нельзя вот так вот лежать. Как говорится: дай боли волю, полежав, да помрешь.

Казалось, что рабыня и впрямь скоро отдаст концы. Он несильно ткнул ее кулаком в плечо. Руна застонала, повалилась набок. Он подхватил ее, усадил прямо. Тьфу! Что теперь с ней делать?

В общине не было лекаря, как в большинстве бигемовских общин. Ванг Юм умел зашивать раны нитями, он сам крутил их из косульих кишок. Мерло Джикер иной раз отвары делал, а еще протирал порезы брагой, настоянной на чистотеле. О тонкостях всех этих лекарских дел Сигурд не имел

ни малейшего представления.

Наклонившись к Руне, он попытался вытащить из-под ремня толстую тунику, но ремень сидел слишком плотно. Тогда он надорвал края разреза. Все внутри было покрыто темным сгустком, но рана почти уже не кровоточила. Не так уж и много крови потеряла албианка, чтобы в обморок падать.

«Ей надо попить», – подумал он и огляделся: что бы такое найти вместо посуды. Встал, бестолково потоптался на месте. Ничего не оставалось, как тащить албианку к воде.

Наколов на нож несколько кусков мяса, Сигурд взвалил рабыню на плечо и пошагал к склону. Спустившись к реке, бросил нож с мясом на камни, опустил Руну и, запрокинув ей голову, чтобы просунуть руку к лицу, побрызгал на губы водой. Зачерпнул воды в ладонь, поднес ей ко рту.

– Ну.

Не открывая глаз, она глотнула, потом еще несколько раз, пока не закашлялась.

– Ну, – повторил он. – Не валяй дурня.

Она больше не могла пить, ей было тяжело дышать. Тогда он отпустил ее и, осторожно приподняв крышку, напил-ся сам.

– Здесь еще мясо, – сказал, обернувшись. – Зажарь себе... ешь. Полегчает.

– Нет... – слабо отозвалась она, ощупывая камни позади себя.

– Не ложись! Нельзя. Надо обратно в лес. Когда про железяк скажешь?

– Уходи, – пробормотала она, задыхаясь. – У меня нет сил...

– Чего? Эй, как их убивать, ты!

– Нет... не могу... – лицо ее стало белым, как луна. – Оставь... отнеси... к каньону... Большое Поселение...

– Что за дела!

Она явно бредила.

«Пожрать ей надо», – упрямо решил он.

– Эй, ты! Придумывай, ну! Ты – албианка.

Она беззвучно шевелила губами.

– Эй! Я не намерен никуда идти. Надо быть тут, в лесу.

Она покачала головой.

– Я не уйду, – повторил он. – Вот как помрешь, тады и свалю.

– Запах... – пробормотала Руна. На лбу ее заблестели мелкие капельки пота. – Кабанина... это ты... Сигурд...

– Чего?

– Ты охотник... верно говорили... ты – лучший... надо в каньон...

Она несколько раз надрывисто вздохнула, ресницы дрогнули, глаза остались закрыты.

– В каньон... – пробормотала снова и притихла.

Он поддерживал ее за спину, не зная, что делать. Чего это она сказала? Сигурд – лучший охотник? Вот как, стало

быть...

Хе-хе! Каково... Ни одна баба еще не говорила такого. Лучший охотник! Да такого никто ему не говорил. Разве только дядя Огин.

Он вроде даже начинал малость сожалеть, что порезал ее...

Прошло с полчаса. Албианка все еще дышала. Он прислушался. Дыхание было ровным.

– Эй, белобрысая. Давай, лечи рану. Твой ремень... там у тебя всякое. А снадобья есть? Вы, албы, в этом толк знаете...

– Нет... – промычала, не открывая глаз.

– Чего нету? Эй, очухивайся.

– Персоль не поможет... травы... темно...

– Травы? Я принесу. Говори, какие! Клятая рана... ее лечить надо. Железяки... куда их бить, в которое место?

Она разлепила веки, пьяно посмотрела на движущуюся воду.

– Эй! – сказал Сигурд. – Делай что-нибудь, железяка в печенку! Не сиди так!

«Не будет жарить – сырого натолкаю», – решил он и стащил с ножа кусок.

Албианка протянула руку, взяла мясо. Пальцы не удержали: кусок вывалился на камень.

– Ничего. Давай, жарь. – Сигурд поймал себя на том, что держит ее за плечи, чтобы она снова не упала.

Захотелось встряхнуться, войти в скачок. Бежать! Куда? Вперед? Нет... Что-то происходило внутри: албианка ослабляла, отнимала силу.

Колдует?

«Брехня... – подумал. – Со мной ты ничего не сделаешь...»

Мясо испеклось. Руна отщипнула кусочек и, слабо подув на него, медленно сжевала.

– Крупный сосуд... – она оттянула край туники. – Вена... давление падает...

Сигурд почесал бороду: ее заумные слова ничего ему не говорили.

Она оперлась обеими руками за спиной, откинулась назад.

– Спасибо... – сказала тихо. – Страшно умирать в шахте... одной в темноте... Лучше уж тут, у реки... А ты... иди через реку, на запад. Там кого-нибудь найдешь...

– Я килуна завалил. Только эти... они не узнали, – проворчал Сигурд.

– Не беда, – грустно утешила Руна. – Никто в общине не сомневался, что ты сильнее всех. Уилл говорил: Сигурд крепкий как медведь. Это правда. Мерло тоже так считал. И Флай, и Пит. И даже Свон. И другие – все так думали.

– Чего? – Сигурд был по природе недоверчив, но этой тонкой, неестественно белой женщине каким-то образом удавалось его зачаровывать. Он представил Мерло и Флая, восхвалявших во всеуслышание его доблести. Затем вспомнил

свою погоню за килуном, и ему захотелось рассказать обо всем Руне. Он даже усмехнулся мыслям.

– Килун... Хочешь увидеть всего? Он там, в кустах... я запрятал. Отнести тебя! Ты таво... – он посмотрел на нее с сомнением. – Ты как?

– Не знаю, – рассеянно отозвалась албианка. – Я посижу здесь. Чуть попустило... если не двигаться... Только кровь идет... Плохо... Тут, у реки, кое-что должно расти. Может, смогу встать...

Он кивнул, хотел подняться по склону туда, где провел день, но внезапно его кольнуло сомнение. Он подозрительно посмотрел на албианку.

– Только гляди мне, – буркнул. – Не хитри! Следить стану. Ежели решишь обмануть – каюк тебе.

Он вытащил из мяса нож, вытер об колено и сунул за пояс. Этот простой и в какой-то мере ритуальный жест вызвал облегчение. Сигурд почувствовал себя главным.

– Обмануть... – Она покачала головой. – Зачем ты так?.. Я хочу помочь... Если я выживу...

– Хватит, ты! – оборвал он. – Шуруй, ищи свои травы.

Он отошел в сторону, опустился на плоский камень под искривленной сосной и задумался.

Руна продолжала сидеть. Через несколько минут она поменяла позу, встала на четвереньки, подобралась к воде, попила. Сигурд видел, как ее ремень вдруг сам собой растянулся. Она подхватила его, положила рядом, задрала туни-

ку. Обнажив спину, стала плескать воду на рану, смывая кровь, слабо постанывая. Она стонала, как стонали женщины во время совокупления – Сигурд не раз слышивал их стоны. «Это глупо», – подумал он.

Албианка вымыла рану, искоса глянула на Сигурда, опустила тунику. Затем надела ремень. Сигурд видел, как она дрожала.

Руна медленно, с трудом, поднялась и, согнувшись, держась рукой за бок, двинулась вдоль берега. Перед глазами Сигурда все еще стояла ее обнаженная спина. У албов кожа гладкая, без волос, не такая, как у бигемов – у них-то по всему телу рыжеватые клочья.

Она вернулась спустя четверть часа с охапкой травы. Бросив ее на камень, тяжело опустилась на колени. Взяла булыжник, стала траву перетирать, превращая в кашу. Когда снадобье было готово, зачерпнула горсть, понюхала, затем приложила к ране, замерла на минуту. Потом отделила от ремня железную полосу, приложила поверх травяного компресса. Пошел пар.

Сигурд настороженно наблюдал. Его мучило сомнение. Он всегда презирал албов за немощность тел и коварный ум. Это было мнением всех бигемов, хоть Мерло порой и учил быть терпимыми к лукавым соседям. «Оба народа должны быть объединены одной целью, – повторял он. – Враг у всех один».

Рабыня ухитрилась уцелеть после атаки железяк, умеет

мясо без огня зажарить, толк в травах знает. Ежели это и не снимает с нее всех грехов албианских, то все ж какую-то по-блажку дает.

Ладно, так и быть, надо дать ей немного времени. Скажем, час. Пускай сил малехо наберется. Тогда-то уж растолкует все, что о демонах да железяках знает.

Руна убрала пластину, глубоко вздохнула. Видать, травяная каша помогла ей.

Сигурд стал вслушиваться в ночные звуки. Он ожидал возвращения железяк. Было тихо. Только река шумела выше по течению, где билась о каменные ступени.

Похолодало. Осенью чем больше звезд на небе, тем ночь холоднее.

Прошло полчаса. Сигурд поднялся и подошел к албианке.
– Все. Кажись, тебе лучше, албианка. Теперь давай про железяк!

Руна взялась за края крышки и повернулась к нему, глянула снизу вверх.

– Будь добр, помоги встать.

Он дал ей руку. Она вложила в его ладонь свою узкую кисть, медленно встала.

– Готова идти, – сказала. – По пути буду говорить.

– Нет. – Сигурд покачал головой. – До тебя не доходит. Я покуда намерен жить здесь, в лесу. Железяки воротятся. Я их встречу. Вот как убью одну-двух, может, тады и уйду. Только учти, албианка, мой путь – на север.

– Что? Зачем?

– Стало быть, так надо, – отрезал он.

Схватив Руну за локоть, потащил ее по склону вверх.

– Послушай, – взмолилась она. – Терракотеров изучают годами, о них за час не расскажешь. Поселения албов... они этим занимаются. Надо оружие... у нас с тобой его нет, и самим нам его не сделать.

– Ты мне набрехала.

– Нет. Просто пойми... здесь опасно, и на север нельзя. Ошейник, Черта... Мертвая Зона... что ты надумал? Куда пойдешь? Там – города, а в них – сам знаешь кто. Там все им принадлежит. Послушай, Сигурд. Перейдем реку вброд, потом по долине, к морю... Дальше – вдоль берега, на запад...

– Нет! Ты набрехала. Удавлю тебя – и все дела! Прямо сейчас, ты.

– И что? Легче станет? Да хоть и просто прогонишь. День-два в лесу – и мне конец... Но знай: тебе тоже будет тужо... Одной злобой ничего не добьешься... Сиг, ты ведь сам знаешь, что я могу пригодиться. Мы нужны друг другу, Сигурд. Если ты меня сразу не убил, то...

– А оружие... как его сделать? Что нужно?

– Материалы, Сиг... энергия... специалисты... Все это в подземных поселениях... Самое большое из них – там, на западе, в каньоне... Экран, что на тебе, ошейник, часы, – кто, по-твоему, их сделал?

Они вошли в чашу.

– Крышки бигемы делают, – проворчал Сигурд. – И ошейники, чхарь бы их пожрал...

– Нет. – Она покачала головой. – Их собирают из готовых деталей. Детали делают албы. Бигемы не способны на такие сложности. Это электроника. К сожалению, из вас не более пяти процентов в состоянии освоить ее азы. Албы всегда учили вас этому. Даже ваши вожди – чаще всего ими становятся полукровки. Да, Сиг, они наполовину албы, иначе...

«Брехливая псица!» – подумал он и схватил ее за горло.

– Вспомни... Мерло... – прохрипела она. – Его лицо... волосы...

– Дерьмо! – Он оттолкнул ее от себя. Руна закашлялась.

Мерло Джикер всегда казался Сигурду слишком хлипким для бигема. И уж больно умным.

– Что там за города, про какие ты болтала? – с раздражением спросил он.

– Это территории на поверхности... там построены дома. – Она держалась за горло. – Дома... сооружения для жилья.

– Для кого?

– Сигурд. Если ты вправду хочешь свести с ними счеты, нужно много учиться. Потребуется время. Терракотеры – серьезный враг. Серьезный, но не всесильный. Я знаю. Мой дядя занимался этим, и брат...

– Зачем все это?

– Что именно?

– Все это. Железяки, наши подземелья... эти твои дерьмовые города?

– Потом все узнаешь. – Она протянула руку. – Пошли. Там, на западе, повстанцы, албы... Мы найдем их. Дорога через горы... местами опасна. Наверное где-то уже снег... Но ничего, доберемся. Вместе – проще. Нас примут. Слово за тобой, Сиг.

Он отмахнулся.

– Какие албы? Пускай их чхарь пожрет... они мне не друзья.

– Твоя ненависть... сколько же в тебе ее? – она коснулась его локтя. – Если кто-то из албов сделал тебе больно, разве это значит, что все остальные тоже виновны? А ты не слышал? – среди албов живут бигемы. Они – гонцы, наемники... вносят вклад в общее дело. И ты мог бы. Я уверена: это то, что тебе нужно, Сиг. В каждом подземном поселении албов – настоящая армия. В Большом – самая сильная. Может, им как раз нужны такие как ты? Ты такой сильный и ловкий, ты пользовался бы среди них уважением. Уж они-то точно смогли бы тебя по достоинству оценить...

– Заткнись! – волной нахлынула привычная ярость. – Сказано, к чхарю все! Я ж хотел завалить хоть одну из них! Слышь, ты? А раз нет... Раз так, я в лесу не останусь. Пускай пропадет это место!

– Послушай, Сиг...

– Нет! Проваливай! Двину немедленно на север. Вернусь по-

том... опосля. Ежели вернуться...

Он глянул в ту сторону, где в зарослях был спрятан килун.
«Спаро... возьми... жертва...»

Сигурд набрал полную грудь воздуха, готовясь к скачку.

– Не оставляй меня! – взмолилась Руна.

Тут послышался шум, он доносился с северо-запада и постепенно нарастал.

– Они, – прошептала Руна. – Патруль. Сиг...

Она бросилась к нему. Уже сорвавшись с места, он сообразил, что держит албианку на плече: он схватил ее машинально, и теперь какое-то странное чувство не давало ее сбросить.

Руна вцепилась руками в бортики его крышки. Неудобное положение не могло не причинять ей боль, но она терпела. Сигурд бежал почти беззвучно. Ноша весила не много и практически не стесняла движений.

Машина железяк пронеслась в нескольких сотнях футов. Она летела к верхнему плато. Чего этим тварям от мертвых-то надо? мнтьго в стороенеодолеть с закрытыми глазами..

Прижимая к себе албианку, Сигурд мчался к Антарскому лесу. Путь был хорошо изученным, его можно было преодолеть с закрытыми глазами. До спуска около мили. Шум оставался позади и становился все тише.

Руна одной рукой уперлась Сигурду в лопатку, другой поправила его сместившуюся крышку.

Подбежав к склону, Сигурд остановился и опустил женщину на ноги. Она схватилась за бок, но стон сдержала.

– Топай, – велел он. – Ну!

Двинулись вниз, прошли по оголенному месту, снова оказались под кронами.

– Ничего не вижу, – пробормотала Руна. – Помоги, пожалуйста...

Он подал руку, снова повинувшись неясному желанию. В голову стукнула мысль: албианка с тобой что-то сделала – там, у реки. Злобный чхарь! Эти ее непонятные слова... А как она зыркает! Зря их что ли хитрыми суками зовут? Вот же ж зараза! – верно, она все это нарочно разыграла: он, вроде, ждал, а она мешкала, он ее откачивал – она – ох да ах... А потом ко всему еще и оголилась. Да уж, слышали о всех этих албианских уловках. Надо поосторожней с ней.

– Ты сама держись, – проворчал Сигурд, подставляя локоть.

Она цепко схватилась двумя руками.

– Это северный лес? – спросила, пригнувшись.

Воздух был влажным. Пахло дубом.

– Антарский, – буркнул Сигурд. – Вон гора. Будем справа обходить.

Минут через пятнадцать крутой спуск закончился. Здесь, под высокими деревьями с сомкнувшимися кронами, они были в относительной безопасности. С Шедара все еще доносился слабый рокот. Должно быть, железяки снова пуска-

ли газ.

– Твой ошейник, – сказала Руна. – Он ведь по-прежнему действует. Генератор в убежище продолжает работать.

Сигурд промолчал.

– Эй, ты что? Все равно решил идти?

– Не твое дело.

– Но ты не выдержишь.

– Заткнись, ты.

– Вот что. Я попытаюсь его отключить. Конечно, я не спец, но в моем ремне есть набор программ от бигемовских ошейников.

Сигурд промолчал. Он напряженно думал. Вот так албы... Ну как они до всех этих хитростей доходят?

Ладно. Опять – ладно.

Они шли дальше, путаясь в зарослях. Сигурд то и дело выхватывал нож, рассекал ветки, освобождая проход. Время от времени он входил в состояние скачка, легко подхватывал спутницу и карабкался по толстым ветвям деревьев.

Из-за гор выглянула луна. Иногда она пробивалась между крон, освещая дорогу.

Через час остановились на краю оврага.

– Еще один кусок жизни канул в прошлое, – грустно сказала Руна.

Сигурд посмотрел на нее. Она вся блестела от пота.

Почесав у себя под ошейником, он поправил натершие кожу ремни, стал всматриваться в дно оврага.

Вот погибли бигемы. Все они стали ненавистными еще тогда, когда сестру Кару погубили. Но бигемы были нужны ему. Как пить дать, нужны. С ними он чувствовал, что мир, в котором он живет, будет существовать и завтра. Все мироздание было замкнуто невидимыми пределами Шедара и этим поганым ошейником. Теперь пределов нет. И нет устойчивости. Кто его знает, что будет завтра, а вчера попросту утратило смысл.

– Лезь на спину, – велел Сигурд. – Лезь и рассказывай. Я несу – ты учишь. Ясно тебе?

Он наклонился, подставляя спину. Руна послушно взобралась на нее. Их крышки соприкоснулись.

– Держись крепко.

Он соскочил в овраг, пробежал по вязкому дну, перепрыгивая через валуны и заболоченные места, взобрался по глинистому склону, схватился за влажный ствол дуба.

– Все-таки лучше было идти на запад, – пробормотала Руна.

– Станешь об этом болтать – стряхну, – хладнокровно предупредил он.

– Я не буду, – торопливо сказала она. – Сиг, что ты знаешь о бигемах и албах?

– Мы – сильные, вы – слабые, – прохрипел он, подтягиваясь. – И еще у вас хитрые мозги.

– И все? Тебя прежде никогда не интересовало, почему так сложилось?

– Интересовала охота, – отозвался он, выбираясь на твердую поверхность.

«Отсюда чуть больше мили – и начнется предгорье Антары, – смекнул Сигурд. – Малость протопать, и будет Северная Черта».

– Терракотеры прилетели на Землю, когда на ней был рай, – сказала Руна. – В ту пору человечество достигло вершины расцвета.

– Дурацкие байки, – бросил Сигурд. – Говори, как убивать этих твоих тер... про кого ты болтала.

– Это не байки, это история, – сказала Руна. Она покачивалась за спиной, цепко обнимая его руками за шею, пропустив их под крышкой. – Ты мог бы о многом еще узнать. Терракотеры – не слуги чхаря, как считают бигемы. Терракотеры – посланцы иного мира. Они прилетели, чтоб очистить планету от нас, коренных обитателей. Возможно, они готовят ее для кого-то. Например... для пришельцев.

– Кто такие? Говори толком.

– Чужаки. – Она показала пальцем в небо. – Видел звезды, Сигурд? Это далекие солнца, вокруг которых...

– Я не идиот, – отрезал он. – Я говорю, что они такое, эти твари? Как вы, албы, до всего этого дошли?

– Подумай сам. Терракотеры – обычные машины, хоть и сложные. Кто-то должен был создать их, верно? Не сами же они себя изготовили. Албы изучают терракотеров. На западе есть большая община. Долгие годы она занимается подго-

товкой. У них есть камеры слежения, терракотеры не в состоянии их обнаружить. Терракотеры строят города, создают условия для существования созданий, подобных нам. Мало того, они повторяют историю, вернее, копируют ее, снимают кальку с определенного времени. С той эпохи, которая уже была однажды на земле. Это странно, наши ученые не могут понять... Есть несколько догадок, но ни одна из них не убедительна. Некоторые думают, это просто стиль, мода. Но ты ведь не знаешь, что такое мода, я объясню потом, это непросто...

– Говори тихо, – сказал Сигурд. – Буду следить. Шум, зверье... Надо поймать ночью. Днем нужна будет жратва.

– Ты прав, Сигурд, – шепнула Руна, прижимаясь крепче. – Слушай дальше.

Она продолжала рассказ. В голове у Сигурда рисовались города, похожие на скалы, возникали пришельцы, смахивающие лицами на албов, и злобные железяки-терракотеры. Вскоре Сигурду надоело слушать. Не умея уложить в голове так много нового, он переключился на звуки леса.

– Говорят, технологии терракотеров имеют общие корни с нашими, – где-то далеко бормотала Руна. – Албам не раз удавалось заправиться от их источников. Но та цивилизация, которую они создают, слишком отстала. Она уступает в технологическом развитии не только их собственной, но и нашей. Это шаг назад, в прошлое. Один мудрый алб, его звали Велимир, считал, что подобная стилизация имеет скорей

игровой характер, чем...

Тут Сигурд одним движением стряхнул Руну со спины, не заботясь о том, куда и как она приземлится. В один миг он превратился в хищника. Заяц, притаившийся в кустах и спугнутый разговором Руны, выдал себя нечаянным шорохом и через несколько секунд Сигурд в немыслимом прыжке накрыл его.

Вернувшись к Руне, он нашел ее перепуганной.

– Я думала, ты меня бросил, – сказала она.

Сигурд показал зайца. В темноте она его не увидела.

– Скоро Черта, – пробурчал он. – Что ты там про ошейник болтала? Можешь его снять совсем?

– Иди сюда, – позвала она. – Присядь.

Он опустился на колени.

– Свяжись с ним, – попросила Руна.

– Чего?

– Ты должен визуализировать ключ. Помнишь тот день, когда тебе его меняли?

– День посвящения. Не знаю. Это Мерло делал. Мне стукнуло шестнадцать.

– Помнишь, что он тебе говорил?

Сигурд заскрежетал зубами и сдал заячью тушку.

– Он сказал, нельзя за Черту. Сволочь...

– Не сердись, Сиг... Я о другом. Перед тем, как защелкнуть замок, он попросил тебя кое о чем подумать, верно?

Сигурд насупил. Он хорошо помнил тот день. Это был

его третий – пожизненный – ошейник. Первый, самый маленький, на него нахлобучили в шесть лет; второй, побольше, – в двенадцать.

«Ярость – твоя сила, – говорил старый Мерло, положив руку ему на плечо. – Контролируй ее, и ты станешь неплохим охотником». «Верно, Мерло! Он будет лучшим охотником», – подтвердил стоявший рядом дядя Огин. Сигурду дали кувшин какого-то настоя. Он его опустошил. А в следующую минуту его схватили за руки двое – Гатт и Флай. Мерло накинул ошейник и, приблизив лицо, заорал: «Твой страх! Думай о том, чего боишься!» – И выхватил нож.

Сигурд вскипел. Войдя в скачок, он напряг мышцы и изо всех сил дернулся. В эту секунду ошейник захлопнулся сам собой, Мерло успел отскочить, Флай полетел на землю, а Гатт едва удержался на ногах.

«Готово!» – крикнул Мерло, и Сигурда отпустили.

– Глупость, – проворчал Сигурд. – Он велел о страхе думать.

– И?.. – Руна отогнула на своем ремне какую-то пластину, затем просунула руки под крышку Сигурда, взялась за ошейник.

– К чхарю, – сказал он. – Дерьмо это. Не знаю.

– Чего не знаешь?

– Как бояться.

– Хм... Может, ты боялся кого-то потерять? – осторожно предположила она.

– Что за дела? – Допрос его злил. Он не любил, когда лезут в душу. Терпеть не мог. – Эй, чего ты хочешь, албианка? Сними его!

– Успокойся, Сиг. Ты должен вспомнить, о чем думал, когда надевали ошейник. Пойми: это и есть ключ.

– Дерьмо! – Он зажмурился, напрягал память, пока не удалось оживить лицо Флая, но Гатта он никак припомнить не мог: Гатт погиб два с половиной года назад. Вспомнились только его раскосые зеленые глаза. – Не хочу думать... Пускай чхарь пожрет!

Он оттолкнул ее, впихнул ей в руки зайца.

– На! Пошли.

– Сиг, ты не сможешь преодолеть Черту, – сказала Руна. – Надо вспомнить. Напряги ум. Дай мне ключ – все остальное я сделаю сама.

– Вставай! – он вскочил на ноги и двинулся с места.

– Подожди! – она поднялась, посеменила следом. – Здесь темно, Сигурд! Помоги мне...

Он шагнул назад; не оборачиваясь, закинул ее на спину и помчался по лесу. Руна затихла, прижалась к нему. Заяц сплюснулся между ними, он был теплым и влажным.

Начался пологий спуск в низину. Лес стал гуще, дубы сменялись буком. Сигурд петлял, не снижая скорости. Что там впереди, за Чертой? Ему хотелось пересечь ее и как можно дальше углубиться в запретную территорию.

«Страх... страх... Проклятый Мерло...»

Сигурд знал, как его боялись косули, которых он преследовал в лесу, у их страха был особый запах. Бигемы, на которых он, бывало, косился тяжелым взглядом, тоже боялись. Все боялись. Но не он. Разве он боялся?

Иной раз что-то не ладилось, тогда его бросало в жар, в глазах темнело... Вот то, что с ним случалось. Но это не страх, это злоба. Должно быть, ему надлежало опасаться самого себя. Да только и себя он не боялся.

Всплески!

На бегу Сигурда передернуло. Он едва успел свернуть, чтоб не врезаться в ствол бука. Руна за плечами вскрикнула.

Ругнувшись про себя, он побежал дальше. Место было топким. Где-то рядом то ли ручей, то ли болотце, – он не видел. Взяв немного влево, Сигурд оказался на каменистом подъеме. Слева, за лесом – отроги Антары. Выбежав на оголенную площадку, Сигурд увидел впереди узкий обрыв.

– Держись! – бросил Руна и, разогнавшись, прыгнул.

Перед глазами вспыхнули огни – как раз в ту секунду, когда летел над обрывом. Он успел выставить руки вперед, шмякнулся о мокрую глину. Тяжесть за спиной неудержимо потянула вниз. Руки наткнулись на что-то твердое – похоже корневище дерева.

– Держись, – хрипел он.

Руна впилась в плечи Сигурда и крепче обхватила его ногами.

Зрение начало возвращаться. Сигурд напрягся и в два

рывка оказался на краю. Вскочил на ноги, пробежал несколько шагов и остановился.

– Ладно. Давай еще раз. – Он выпрямился, давая Руне сползти на землю. Заяц шлепнулся к ногам.

Сигурд развернулся и приподнял крышку, освобождая пространство для ее рук.

– Ну!

– Подожди минуту... пальцы онемели.

Руна растерла руки, взялась за ошейник.

– Персоль... то есть, мой ремень – его сканирует, – сказала она. – Как только дашь ему ключ, персоль это обнаружит и отключит замок. Вспоминай, что было в твоей голове в тот момент, когда Мерло...

– Ничего не было, – отрезал Сигурд. – Мерло... он хотел, чтобы я о страхе думал, и только.

– Но ты не думал, – догадалась она. – Выходит, ты нечаянно создал другой ключ. Теперь вспоминай. Это мог быть какой-нибудь образ. Или цвет. Или голос.

Сигурд раздраженно фыркнул, однако задумался и стал перебирать в памяти голоса тех, кого знал. Все они звучали глухо и отдаленно. Он вспомнил унылый серый цвет шахты.

– Нет. Сделай сама, – сказал Сигурд. – Я не вспомню.

– Ты сможешь. Это мог быть звук. Или запах. Давай, Сиг...

– Ладно, все! – отрезал он. – Надо к Черте топать и баста! Малость потерпим, за Чертой попустит.

– Нет! За Чертой будет еще хуже.

– Брехня... попустит.

– Хочешь, чтобы я объяснила тебе механизм действия территориального ограничителя?

– Дерьмо, какого чхаря!

– Тогда вспоминай.

Он стиснул зубы и стал ворошить прошлое. Память снова подсунула Флая, затем безликого Гатта: одни только зеленые глаза не забылись... От напряжения затошнило: съеденное мясо лезло к горлу.

Сигурд зарычал, схватил Руну за руки, крепко сдавил, она завопила, – крики их слились воедино. В эту минуту в его голове будто сместилось что-то, такое на него бешенство накатило, что кожа на Руниных запястьях вмялись под его пальцами.

Щелкнул ошейник. Пару мгновений он оставался на месте, затем свалился в ладони албианки.

Жуть! – Сигурд схватился за шею: точно кожу сняли.

Он даже попятился от неожиданности.

– Однако ж... как это?

Она тихо засмеялась, шагнула следом, удерживая ошейник под крышкой.

– Сиг, да это... вроде как злость твоя! Ярость! Погоди, теперь мне отключиться надо. – Руна несколько минут стояла, держа руки у него на груди, чего-то ожидая. Он слышал ее дыхание и думал: «Ишь ты... Мозги албианские... тоже

сила...»

– Все, – сказала она наконец.

Он схватил ошейник, развернулся, метнул его между двух темных крон. Пробив листву, ошейник исчез в небе. Через несколько секунд слышалось, как он ударился о ствол дальнего дерева и, отрикошетив, шлепнулся на землю.

– А твой ремень, – спросил Сигурд. – Он-то как... пустит тебя через Черту?

– Черты нет, – сказала она. – Ты последний, для кого она существовала. Албы сами управляют персолями.

– Подбери зайца, влезай на спину, – буркнул он, разворачиваясь.

Руна подобрала зайца и влезла ему на спину.

Сигурд не общался с другими албами, но эта женщина терпеть умела. Это хорошо.

Он ухватил ее под колени и побежал вполсилы. Теперь можно и не спешить. Он вошел в самое легкое состояние скачка, которое мог удерживать. Бывало, он входил и раньше в такой вот «полускачок» – особенно, когда после удачной охоты оставалось время, а чутье говорило, что добычи больше не предвидится. Тогда он летел над плато невесомым бегом, едва отталкиваясь ногами, дыша полной грудью. Это были его самые лучшие минуты...

За полчаса он проделал миль десять. Лес начал редеть, горы понемногу расступились. Впереди долина расширялась, вспучивалась холмом. Сигурд вбежал на взгорок, остановил-

ся и глянул назад. Антара была непривычно мала. Край Шедара слева от нее походил на ступени. Справа от Антары темнели незнакомые горы.

– Слезай, – сказал он. – Смотри-ка.

– Не вижу ничего, только контуры, – призналась Руна.

– Горы... вишь, какие низкие, – с удивлением сказал Сигурд.

– Издали, – согласилась Руна.

Она вздохнула и устало опустилась на землю.

– Нет. Идем дальше.

– Рана, – прошептала она. – Все горит. Нужна перевязка... Только здесь я точно не найду ничего. Прошу тебя.

Он присел на корточки рядом с ней, заглянул в лицо: оно вытянулось, рот казался темным и слишком большим.

Сигурд потер шею. Странно без ошейника, непривычно. Он повертел головой, просунул руки себе под крышку, стащил вязаную шапку, вытер вспотевшее от бега лицо.

– Слышь? Ладно. Привал.

Руна что-то промычала в ответ.

Наутро ей стало еще паршивее. Она сидела, привалившись к стволу дерева, и ее всю трясло.

– Оставишь меня здесь? – слабым голосом спросила Руна.

– Не знаю, – буркнул Сигурд.

Перед сном он чувствовал внутри непонятную пустоту; пробудившись же, ощутил раздражение.

Походил, собирав веток, сложил шалаш. Стенки вышли провислыми, зато почти не пропускали свет, а это важно: после вчерашнего солнечного дня в глазах пекло, словно на них соли насыпали. В убежище, где обитала община, осталось две пары солнцезащитных очков. Там было еще немало полезных штук, которые могли бы пригодиться, и теперь Сигурд жалел о них.

Заяц оказался что надо – жирный, мясной. Свежую его, Сигурд старался не испортить шкурку. Из нее он смастерил своеобразный бурдюк. Затем помотался по округе, отыскал родник, напился и набрал воды. На обратном пути надергал пахучих трав для мяса.

Когда вернулся, Руна спала. Дышала она часто и неглубоко. Сигурд сел рядом.

Албианка лежала в такой позе, в какой он ее оставил – полусидя: главное, что крышка не сползла. Сигурд попробовал пристроить мешок с водой, но вода начала растекаться. Он

снял с пояса веревку, завязал мешок и подвесил его внутри шалаша, затем снова повернулся к албианке.

«Вон оно как, — думал он. — Железяки-то — поганцы... да ежели бы не они, бигемы и албы уж давно бы из нор повылазили. И что? Как пить дать уже все друг друга перебили бы — вот что».

Конечно, у него не было сомненья, что на самом деле бигемы албам задали бы перцу, хотя и албам надо отдать должное — хитры, как лисы, и совладать с ними было бы не так-то просто. Впрочем, могло бы и перемирие случиться, ведь как-то же удалось обеим расам договориться в тех смешанных общинах, что за морем.

Левая рука Руны лежала вдоль туловища, правая на груди. На месте раны темнело пятно. На ремне также были пятна засохшей крови. Толстая, мягкая туника плотно облегалась низ живота, бедра, образуя между ними ровную ложбинку. Сигурду отчего-то захотелось провести по дну этой ложбинки пальцем. Он поднял руку, подержал несколько секунд на весу, затем осторожно опустил на колено Руны. Она вздрогнула, тихо застонала. Сигурд отдернул руку.

Он выглянул наружу.

Солнце уже взошло над лесом, и свет желтыми столбами пронизал кроны. Птицы принялись свистеть и щелкать на все лады, сотрясая тишину. Сигурд прислушался к их голосам, пытаясь по оттенкам уловить, какой будет день.

Но кто их знает, этих дневных птиц? В гомоне их — ра-

дось, осторожность, жалостность, надежда... Должно быть, обитатели леса – и большие, и малые – готовились к зиме, точно так же, как совсем недавно это делала община бигемов, и каждый теплый день давал новый прилив бодрости.

Сигурд выбрался из шалаша и, подойдя к солнечному пятну, стал в самую его середину, задрал голову. Свет ударил по глазам, заискрился на исцарапанной поверхности крышки. Он зажмурился, затем медленно открыл глаза, попытался удержать взглядом солнечный круг. Снова резь – снова зажмурился.

«Не сразу, но привыкну», – сказал себе.

В животе стало посасывать. Вернувшись в шалаш, Сигурд покромсал зайца на ломти и потянулся к ремню албианки, хотел отсоединить пластины. Руна открыла глаза, испуганно оттолкнула его руки.

– Мясо надо жарить, – сказал он.

– Нет. Ты все равно не сумеешь. Ремень – персональный. – Она приставила палец ко лбу. – Я одна могу им управлять.

Руна села, и лицо ее на миг исказила гримаса боли, но она тут же справилась и стала отсоединять пластины. Сигурд положил мясо на листья папоротника, и уже через минуту в воздухе пахло печеной зайчатиной.

Покончив с приготовлением мяса, Руна выбралась из шалаша. Сигурд остался жевать в одиночестве. Заяц был сочным, вприкуску с черемшой мясо казалось неправдоподобно вкусным. Вообще поесть жратву на поверхности было куда

смачнее, чем в подземной кухне. Странно...

Руна долго не возвращалась.

Наконец зашелестела опавшая листва, и албианка заглянула в шалаш. Лицо ее казалось еще более бледным.

– Сделала повязку, – сообщила она. – Рана пока ничего, и будто бы уже не так знобит.

– Вода там. – Сигурд кивнул на мешок. – Еду тебе оставил. Ешь и снова ложись. И мне надо покемарить. Я ночной зверь. Днем идти не хочу.

– Это светобоязнь. Временное явление. – Руна принялась за жареную печень. – Потом проходит. Ты адаптируешься. Знаю по себе.

Когда она поела, он заставил ее лечь и лег сам. Почесывая бок, покусанный спиногрызами, попросил ее рассказать еще о железяках, но, стоило ей начать, как им овладел сон.

Ему снилось, что он завалил килуна, но, убивая его, сломал нож.

Проснулся он, когда в лес возвратились сумерки. Руна сидела рядом, дожаривала остатки мяса.

– Мне лучше, – решительно сообщила она. – Это поверхностный порез. Процедуры помогли. Я могу идти сама. Но сначала хочу еще раз кое-что предложить. Альтернативный вариант. Слушай, Сиг, еще не поздно вернуться к Шедару и пойти на запад.

Сигурд замотал головой, схватил кусок мяса и, обжигаясь, стал жевать.

«Дикие места, – подумал он. – Непуганные звери. Сегодня поймаю косулю. Будет много мяса».

– Пойдем на север, – сказал он. – Больше не болтай про запад.

Глаза его слипались, – казалось, в них попала пыль. Наверняка это из-за солнца.

Руна защелкнула пластины на ремне, положила перед Сигурдом на лист сумши еще кусок, себе взяла переднюю лапу.

– Какой ты злобный, – не вытерпела она. – Комок ярости... тебе бы только крушить... Почему так?

Ее вопрос ничуть его не задел.

– Месть, – спокойно ответил он.

Разделавшись с едой, Сигурд вытер руки о штаны, поправил ремни и придвинулся к албианке.

– Почему ты здесь? Со мной? Хочу знать.

Она перестала жевать, положила заячью ножку на подстилку из широких листьев.

– Мы нужны друг другу, – сказала тихо, с упрямством.

Сигурд самодовольно хохотнул.

– Лукавая... это я нужен тебе. Я – сильный. Без меня пропадешь.

Она опустила глаза, не то пряча обиду, не то притворяясь, что делает это.

– Ты сняла ошейник, – сказал он. – Ты правильно сделала. Но это не все. Мы вместе найдем железяк. Потом ты мне поможешь.

– Как? – Она рассмеялась и на глазах у нее блеснули слезы. – Я предложила тебе идти в каньон, к албам, ты мог бы там многому научиться. Но ты отказался. Что теперь собираешься делать? Бить терракотеров кулаками?

– Сперва хочу их увидеть. Близко. Надо повадки их уразуметь. Ты – помогай. А потом... потом грохнем одного из них. Или двух.

Она шумно вздохнула и покачала головой.

– Сиг, ты сам понимаешь, что говоришь? Это не повадки, это сложные технологии. Ты не сможешь понять терраотоке-ров, не имея базовых знаний.

– Тебя заставлю, – сказал он, насупившись.

– Боюсь, я тебя разочарую, Сиг. Я простая албианка, меня никто толком не учил... Персоль, мой ремень – это все, что у меня есть.

– Заткнись! – Сигурд с размаху хлопнул себя ладонью по бедру. Руна вздрогнула.

Он сидел, задумавшись, потом сказал:

– Тьфу... размяк... из-за тебя, лиса. Пока все таво... пу-щай – как есть, так и есть, ладно... Буду и дальше тащить тебя. Но ежели увижу, что силу забираешь, избавлюсь от тебя, и только... Слыхала, ты?

Она кивнула и сделалась серьезной.

Сигурд подобрал лежавшую рядом веревку, обвил ею пояс.

– Вылезай! – велел он.

Руна выбралась, Сигурд – за ней. Одним пинком он снес шалаш, – от него осталась лишь куча наваленных веток.

Было еще слишком светло, но под кронами передвижение казалось безопасным.

Они двинулись вперед, на север. Когда сгустилась тьма, он подставил спину, Руна взобралась, и Сигурд побежал. Через час он поднялся на голую вершину холма. Северный склон был обрывистым и лишенным растительности. Впереди, в нескольких милях возвышалась гряда невысоких скал. Сигурд хотел указать на них Руне, но тут смекнул, что она едва ли увидит их в темноте.

Перескакивая через камни и буераки, он побежал к скалам. Спустя четверть часа оказался в низине и вскоре набрел на ручеек, там и тут поросший очеретом, местами задавленный гладкими камнями. Отыскав участок чистого русла, он ссадил Руну.

Подошли к ручью, попили.

– Можно помоюсь? – робко спросила Руна.

Он с недоумением посмотрел на нее, потом понял, чего ей надо и, поднявшись, отошел в сторону.

Пока Руна мылась и застирывала – большей частью на ощупь – тунику, Сигурд забрался на крупный валун и внимательно осмотрел окружающую местность.

Луна уже вошла, и пространство вокруг заполнилось ее холодным светом. Всюду выпучивались голубоватые холмы и взгорки, то там, то здесь торчали кустарники да валуны.

Казалось, это – огромное плато, вроде Шедара, хотя Сигурд знал – теперь они куда ниже.

Тут его взгляд наткнулся на кое-что, заставившее оцепенеть. Вдали, между двух покатых холмов, выглядывала самая странная и нелепая штука, которую он когда-либо видел. Скала – ни скала, лестница – ни лестница... Это было грандиозное сооружение, сделанное, как казалось, из прямых столбов.

Увиденное было до того невероятным, что Сигурд невольно вошел в скачок. Взяв себя в руки, он спрыгнул с валуна и снова застыл, тараща на обнаруженное диво.

Чудо-штуковина имела на удивление правильную форму и походила на неподвижного великана с растопыренными в стороны руками-перекладинами. От перекладин уползали в пространство тонкие нити.

До сооружения было миль шесть, а то и семь. Чтобы как следует его рассмотреть, необходимо было подобраться ближе. Оба холма по бокам от «великана» плешивы, но чуть западнее была возвышенность, поросшая лесом. Вблизи-то этот лес мог оказаться растущими там-сям деревцами с полуосыпавшейся листвой и негодным для укрытия, но других вариантов, кроме как идти в ту сторону, не было.

Сигурд еще раз оглядел равнину и, удостоверившись, что никто за ними не следит, вернулся к Руне.

Подрагивая от холода, женщина расправляла на бедрах влажную тунику. Сигурд недовольно фыркнул. Далось ей это

пятно! В любом случае тепло он предпочел бы чистоте. Поди, пойми этих албов, как они устроены, в который раз убедился он и развернулся к женщине спиной.

– А ну давай, ты...

Она поднялась, молча влезла ему на спину, вцепилась в плечи.

Сигурд вошел в скачок, перепрыгнул ручей и помчался на северо-запад. Вздрагивая и искажаясь, неслась перед ним его собственная зловещая тень...

Минут через десять, обогнув один из холмов, он перешел на шаг, стряхнул на ходу цепняк. Теперь «великан» возвышался справа. Луна четко высвечивала железные грани столбов.

«Спаро!» – пробормотал Сигурд, сроду до этого даже в мыслях не вызывавший к подземному духу. «Великан» подпирал небо. Теперь было видно, что на самом деле он держал толстые канаты, которые тянулись с севера, от другого «великана», стоявшего в полумиле, а за тем, в свою очередь, имелся еще ряд «великанов»-близнецов.

– Демоны... – прошептал Сигурд. – Гиганты...

– Что? – Руна встрепелулась и тоже увидела сооружение. – Возможно, линия электропередач...

Сигурд повторил про себя ее слова и стал высматривать место на верхняке, где лес погуще. Выбрав большое скопление лиственных деревьев, стал подниматься.

Добравшись до леса, он вошел в заросли, принялся вы-

искивать удобное для наблюдения место. Пришлось немного побродить, пока не наткнулся на подходящую площадку. Ссадив Руну, Сигурд пробрался к густому кустарнику. Отсюда открывался вид на просторную равнину, на которой и стояли «великаны». Сигурд смотрел на них еще несколько минут и понял, что ни чего нового не высмотрит. Между тем, внимание привлекла гладкая светлая полоса: приличный кусок ее просматривался сквозь заросли. Чтобы увидеть, куда она тянется, пришлось перейти на другое место. Велев Руне ждать, Сигурд выбрался из зарослей и лесом пробрался в северную сторону шагов на сто. Дважды натыкался на колючие кусты, обходил, продираясь глубже. Неожиданно впереди проглянуло звездное небо, деревья закончились, и Сигурд оказался на краю невысокого обрыва.

Впереди было широкое ухоженное пространство – ровное, как стоячая вода. Всю поверхность выстилал серый материал – в точности такой же, из которого сделана полоса. Посредине большого круглого пустыря стояло чудо-юдо: громадное кольцо, а внутри – крест.

Мать твою!

Сигурд сжал кулаки, стиснул зубы, чтобы не вскрикнуть от восторга. Город!

Он мог бы поспорить, что в этой штуке из железа, походившей на огромную снежинку, без труда вместились бы тысячи полторы народу. То, что крест-кольцо служило для жилья или хотя бы временного пребывания людей, можно бы-

ло предположить из-за рядов прямоугольных дыр, закрытых дверцами и идущих по ходу ответвлений-труб. Вот только ни бигемов, ни албов видно не было.

В отдалении темнело несколько прямоугольных коробок. Дома?! Неужто они таки добрались до города, о котором албианка болтала?

Дома были невысокими – в три бигемовских роста, зато в длину каждое тянулось сотни на полторы футов. В отдалении от них ближе к линии столбов, стояло круглое строение, а рядом кое-что такое, что совсем уж в голову не укладывалось – большущий ящик с прозрачными, как бигемовские крышки, стенками, и ящик тот стоял не на земле, а был взгроможден на одинаковые черные круги. Через стенки, кое-где занавешенные кусками ткани, просматривались ряды досок, обитых чем-то на вид мягким.

На подступах к территории стояло два ряда высокой железной сетки. Это еще для чего? Защита, что ли? Сигурд фыркнул: коли понадобится, сетку он в два счета одолеет.

Над странным поселением висела тишина. Освещения не было. Слабый ветерок, дувший с севера, приносил в числе прочих запахов и запах людей, хоть люди эти были чужими, слишком чистыми и какими-то нездешними.

Сигурд несколько минут принюхивался, пытаясь уловить что-нибудь такое, что даст подсказку, но ничего особенного больше не унюхал.

Ему представилось, как он перепрыгивает сетку, проно-

сится по гладкой поверхности, врывается в один из домов, отыскивает там спящих железяк и, покуда они – гады – очухиваются, всех убивает, по очереди проламывая каждому башку.

Сигурд вообразил себе несколько путей – к чудо-сооружению, к домам-коробкам, к округлому зданию. Да вот только спят ли железяки? А что как они притаились, дожидаясь противника? А может, стены их обиталищ повсюду глазками утыканы, и стоит ему появиться как тут же такая балабань начнется – все вмиг сбегутся?

Неожиданно, словно подавая дурной знак, под ногой треснула сухая ветка. Сигурд отступил назад, в заросли. Захотелось вернуться к Руне, рассказать ей обо всем.

Забыв о том, что чуть больше часа назад угрожал албианке избавиться от нее, он с колотящимся сердцем бросился ее искать. Бесшумно проскочив заросли, подбежал к сидевшей на траве албианке и, упав на колени, схватил ее за руки.

– Слышь, белобрысая... Город! Нашли... вставай!

Она замотала головой, вцепилась ему в плечи. Лицо ее исказилось.

– Нет, Сигурд, нет! Пока хватит того, что ты видел... Теперь мы знаем, где он расположен. Это может быть какая-нибудь их база. Поверь мне, если пойдешь к ним, обречешь себя на верную гибель.

Она с такой силой вдавила пальцы ему в плечи, что он удивленно фыркнул.

– Дядя Огин, – пробурчал. – Понимаешь, ты? Я им не прощу!

Он встряхнулся, чтобы избавиться от ее хватки, но Руна вцепилась еще крепче.

– Нет, Сиг! Теперь надо отступить, затаиться... Уйдем в лес! Вглубь! Будущей ночью вернемся, если хочешь. Но лучше совсем уйти. На зап...

Она осеклась, закрыла рот рукой.

Сигурд оскалился:

– Так-то лучше. Вставай... шуруй за мной.

Он провел ее к краю леса, откуда открывался вид на территорию железяк. В лунном свете даже албианка могла как следует разглядеть фантастические контуры сооружений. Руна схватилась за локоть Сигурда.

– Видишь машину с прозрачными окнами? – прошептала она. – Их транспорт. Не помню, как назывался, но несколько веков назад в таких штуках возили людей целыми группами. Я видела старые видеозаписи.

– Пахнет... – сказал Сигурд. – Людьюми пахнет... Что-то не так. Люди... они не живут на верхняке. Железяки впихнули их... в эти штуки впихнули. Эй, какого чхаря?

– Мы не знаем, Сиг. Чтобы понять, нужно время. Надо соорудить укрытие. Отойдем в сторону, подальше. Тут в самом деле что-то странное происходит. Мы не знаем, что...

Он отпихнул ее и, взявшись руками за толстую ветвь, стал напряженно всматриваться в одну из дверей прямоугольно-

го здания: она казалась приоткрытой. Может, просто падала тень, но ему почудилось, что кто-то смотрит на него из темноты.

Сигурд презрительно сплюнул.

Подходящее место нашлось примерно в шестистах футах западнее по дуге, образованной обрывистым склоном лесистой возвышенности. Отсюда хорошо обозревались и поселение и линия электропередач и серая полоса на земле; Руна назвала ее дорогой.

В такой близости от железяк Сигурд не решился ладить навес. Найдя уютное место под крупной елью, он накидал под нее в несколько слоев широких листьев сумши и велел Руне туда забраться. Сам он устроил себе наблюдательный пункт в густом кустарнике пушистой скумпии, росшей на самом краю обрыва. Нарвав гибких, мохнатых веток, он соорудил из них маскировку для крышки. Затем, улегшись на мягкую землю, стал наблюдать.

Прошло часа три. Ни одно случайное движение не нарушило неподвижной картины селения железяк. Только редкие ночные птицы несколько раз пролетали над равниной. Сигурд не заметил, как уснул.

Его разбудила Руна. Она трясла его за ногу и говорила: – Сиг, вставай. Сиг, проснись.

Справа, за холмами, уже брезжил рассвет. Сигурд подскочил, хрустнув ветками. Он рассвирепел: это албианка заста-

вила его ветками хрустнуть.

Сигурд развернулся и обмер. Было из-за чего. Руна сидела перед ним на коленях, и на ней не было крышки.

«Кокнуть ее! Секунда дела! – прикинул Сигурд. – Помрет – демоны мозгов не заметят».

Похоже, Руна почуяла его намерения.

– Мы... перешли границу... – пробормотала лихорадочно. – На земле терракотеров крышки не нужны... тут не следят со спутников. Иначе невозможно было бы вот это. – Она указала жестом за его плечо.

Сигурд обернулся и прищурился: света было еще не много, но со сна он все равно слепил.

Около одной из ветвей крестообразного сооружения маячило что-то, верхней частью походившее на неестественно огромного бигема. Сигурд протер глаза, присмотрелся. Две длинные белые руки – как змеи, вместо головы – блестящий шар.

Сигурд едва утерпел, чтобы не выругаться вслух. Мышцы в один миг напряглись, он бессознательно подался вперед, в то же время прижимаясь к земле.

Нижняя часть твари смахивала на электрическую плиту – ту, что стояла на кухне в их убежище, – такая же массивная, с прямыми углами. Узкие продольные щели делили ее на три части. От плиты эту штуку отличало наличие нескольких кругов вроде тех, что имелись под машиной с прозрачными стенами. Штуковина ползла вдоль трубы, руки-змеи по

очереди задевали закрытые двери.

Не было никакого сомнения, что это самая настоящая железяка – гнусная, паскудная железяка! Сигурд стиснул зубы, сдерживая рычание.

Злобный чхарь! Кто мог подумать, что они такие здоровенные – эти железяки? Да уж, силищи в них, должно быть, хоть отбавляй... и все же не настолько, чтобы нельзя было сравнить с его – Сигурда – силой. Да, она – из железа, а он из мяса, ну и что с того? Ежели кинуться на нее врасплох, то он успеет свернуть этот дурацкий шар либо расколоть его большим камнем...

А это что за сборище в стороне? Сигурд протер глаза.

Однако...

В нескольких шагах от круглого строения переминалась толпа мужиков и баб – человек сорок. Они были разного возраста и роста, а одеты до того нелепо, что на Сигурд еле сдержался, чтобы от смеха не фыркнуть. Он быстро оглянулся на Руну, смотрит ли она, и снова уставился на диковинное зрелище.

Кто они? Похожи на албов – такие же тонкокостные, хлюпкие, мозглявые, но в чем-то походят и на бигемов: среди них двое бородачей, один и вовсе рыжий, издали смахивает на Обезьяну Свона, ежели не брать во внимание странную плоскую шапочку на косматой голове. У нескольких баб и мужиков из-под шапок торчат волосы немыслимого цвета – темные, почти черные.

– Эй, видала? – Сигурд оглянулся. – Ихние волосы... Слышь, ты! Твоя крышка... какого чхаря?

– Экран не нужен, Сиг. Эту территорию не зондируют, я проверила. – Руна похлопала себя по ремню. – Можешь снять. Давай.

– Что?

До него дошло: люди возле круглого здания тоже не защищены. Они стояли там с таким безразличным видом, будто именно так и надо ходить под открытым небом, и никаких демонов никогда и в помине не было.

– Что за дела? Пустые Земли?

– Нет, Сиг, это земли терракотеров.

Он оторопел, глядя на чудо. Диковинные шапки, расширенные книзу штаны, узкие куртки, туники странного покроя – все красное, зеленое, фиолетовое... Летние цветы...

– Албы? – спросил Сигурд. – Бигемы?

– Понятия не имею, – прошептала Руна. – Я сама только что проснулась. Эй, а ты? Долго ты спал?

Он не ответил. Ему мешала крышка. Они все без крышек, белобрысая без крышки, а он станет сомневаться?

Ну, давай... Рука взялась за ремень и застыла: слишком глубоко въелась привычка прятать мозги от демонов – намертво спаялась с инстинктом самосохранения.

Тем временем железяка добралась до середины крестообразного сооружения, свернула и покатила вдоль другой ветки. Из открытой двери одного из прямоугольных домов

с той же неторопливостью выкатилась другая, точная копия первой. В руках у нее был человек в синей одежде. Подкатившись к машине с прозрачными стенами и зеленым низом и крышей, железяка свободной – третьей – рукой открыла дверь, которую до того Сигурд не замечал, и аккуратно человека на специально предназначенное место. Тот схватился руками за торчавшее перед ним кольцо.

– Железяки, – пробормотал Сигурд. Он не спрашивал, а лишь хотел получить подтверждение Руны.

– Да. Это терракотеры. Одна из моделей, – отозвалась она. – Колесный вариант. Я таких в записях видала. Тот, за рулем, он тоже терракотер. Похоже, их хотят куда-то увозить.

– Все ты знаешь, – проворчал Сигурд. – Почему до сих пор не сказала, как убивать? Я бы уже завалил. Пока спали.

– Хватит дурака валять, Сиг! Терракотеры – машины. Как они могут спать? Ты в самом деле такой... недогадливый?

Сигурд насупился, щелкнул железной застежкой. Затем второй. Не сводя взгляда с синего человека, выскользнул из своей объемистой крышки, вдохнул побольше воздуха.

Ощущение было еще отвратительнее, чем после того, как от ошейника освободился: точно тебя наизнанку вывернули.

Синий человек схватился рукой за дверь и бесшумно захлопнул. Звук хлопка долетел через полсекунды.

– Так и есть, их увозят, – сказала Руна. – И это не албы. Это тоже чужаки.

Тот терракотер, что усадил водителя, катился к группе «разноцветных». Некоторые из людей таращились на него с любопытством, другие безучастно глядели по сторонам. Объехав зеленую машину, терракотер остановился. Через прозрачные стены было видно, как извиваются его руки.

«Змееруки», – подумал Сигурд.

На обратной стороне распахнулась дверь. Терракотер подъехал к «разноцветным» и стал бойко хлопать их по плечам. Несколько человек тронулись с места, вразвалку пошагали к открытой двери. Другие продолжали стоять. Терракотер суетился, «змееруки» мотались все быстрее. Еще человек пять побрело к машине. Один отделился от толпы – тот самый рыжий. Он развернулся и пошагал ко входу в круглое здание. Низенький старичок с квадратной сумкой на плече пригнул лохматую седую голову и бросился бежать в сторону линии электропередач, к раскрытым сетчатым воротам. Терракотер немедленно пустился вдогонку. Настигнув старика, он подхватил его подмышки и на вытянутых руках повез обратно.

К этому времени первый терракотер завершил обход всех четырех ветвей крестообразного сооружения и устремился к дверям, из которых минуту назад выехал второй. Когда основная масса людей оказалась в машине, а снаружи остались

только двое, второй терракотер загнал этих двоих вслед за рыжим в здание. Затем он подъехал к двери машины, секунду постоял на месте и вдруг проворно забрался внутрь, но край платформы, на которой он ездил, по-прежнему остался торчать из-за машины. Сквозь окна Сигурд видел, как терракотер рассаживает людей по местам. Кто-то уже успел и сам сесть, некоторые упирались, и терракотерам приходилось применять силу.

– Тупые придурки, – проворчал Сигурд, когда терракотер, закончив суетиться, выбрался наружу. – Зачем дают так собой помыкать?

– У них нет выбора, – голос Руны упал до шепота. – И мозгов, кажется, тоже. О, это просто ужас!

– Что? Почему? – Сигурд стащил шапку, растер заспанное лицо и натянул обратно.

– Я не знаю, что творится. – Она всхлипнула.

Терракотер захлопнул дверь, взгромоздился на платформы и укатил в круглое здание. Руки водителя пришли в движение, и до слуха Сигурда донесся рокот. Из-под машины едва заметной струйкой ударил дым.

– Без мозгов, – пробормотал Сигурд. – Тьфу, дерьмо.

Он поймал себя на том, что остро ощущает нехватку крышки над головой, и провел ладонью по макушке.

Машина тронулась с места, выкатилась, покачиваясь, на серую полосу, проехала в открытые ворота, и те автоматически захлопнулись. Сигурд проводил машину взглядом. Она

проползла под канатами электропередач, свернула вправо, на некоторое время скрылась за отрогом холма, затем вновь показалась, проделала путь по гладкой полосе вверх, взошла на возвышение и, перевалив через него, окончательно скрылась из виду.

– Вспомнила, – прошептала Руна. – Это автобус... кажется, так раньше называлась эта штука.

Территория снова опустела. Сигурд поднялся, неторопливо сходил за деревья отлить. Когда он вернулся, Руна металлической перегородкой, вынутой из рамы крышки, разгребала землю вокруг пожелтевших побегов травянистого растения, которые, собрав в пучок, удерживала в руке.

– Козелец, – сказала она. – Съедобный. Его тут полным-полно.

Сигурд поморщился, выглянул из-за кустов. Все там, у терракотов, было без изменения.

– В корнях влага, только ее немного, – сказала Руна. – Надо поискать воду...

– Слушай, ты, – перебил ее Сигурд. – Еда-вода – потом. Много болтаешь. Хватит! Мне это не нравится.

Она опустила голову, усердно продолжила рытье. Он присел, отодвинул в сторону ненужную крышку, осторожно пробрался сквозь мохнатую скумпию к месту наблюдения.

Небо было ясным, день обещал быть теплым. Приятным открытием оказалось то, что глазам стало легче переносить дневной свет.

Сигурд лежал, упершись локтями в землю, почесывая шею. Долгие годы он не мог делать это из-за ошейника.

Пахло сыростью, утренней прохладой, прелой травой, насекомыми и гниющими грибами-поганками.

– Как в болоте, – процедил Сигурд.

Вдруг с новой силой его кольнула боль потери. «Все ушло, чхарь бы его...», – подумал он, и почему-то в памяти всплыло лицо Мерло Джикера. Думай о страхе!

Сигурд оценил дальность от этого места до того, где на дне шахты лежал убитый терракотерами дядя Огин. Как далеко они забрели, безрассудно ступив на чужие земли?

Нет жизни: ни у мертвых, ни у живых, ни у бигемов, ни у албов. Железяки тоже – мертвечина. Кому это нужно – убивать людей, вышвыривать их из убежищ? Кому нужно было травить дядю Огина тухлым газом? Долбанные спиногрызы. Разве старик причинял железякам зло? Думай о страхе! Хватит прикидываться! Разве это не страшно, когда все уходит, когда нет жизни, нет родных, нет дома, нет воды, нет места, где можно все это найти, – где-то тут должен быть страх!

Сигурд сообразил, что упирается лицом в землю, с силой давя в нее подбородком. Он вскинул голову; отплевываясь, вытер губы и бороду. «Думай же, тупая ты башка!» – приказал он себе. Мысли давались с трудом, но надо было принять решение. Назад, в горы, на запад, к албам, в их пещеры, либо, ежели повезет, к бигемам, снова в ошейник? Дерьмо! Нет! Он не поведется на уговоры албианки. Все, что она

хочет, это вернуться к своим. Может, и есть еще много такого, чего он не знает, но помогать албам – не его путь. Он должен мстить, действовать, рисковать – уже сейчас, немедленно. Он подкрадется к железякам – близко, впритык. Ему поможет чутье. Он оставит албианку здесь – пускай выживает, как может. А сам проберется в то круглое здание, прикинется одним из разноцветных: неужто железяки смогут отличить его от других людей? Только там, в круглом здании и в домах терракотеров – отгадки. Глазки и камеры албов бесполезны. Не помогут отомстить.

Одна из дверей прямоугольного здания была чуть приоткрыта. Сигурд напряг зрение, силясь разглядеть, что происходит в темноте находящегося за ней помещения, но ничего не увидел. Он всматривался до тех пор, пока из глаз не начали сочиться слезы. Прележав еще несколько минут, он выбрался из зарослей.

Руна сидела под стволом дерева. Съежившись от холода, чистила выкопанные корни. Мельком глянув на Сигурда, она опустила голову и продолжила дело с удвоенным рвением. Вдруг, словно что-то почуяв, она остановилась.

– Что ты задумал, Сиг?

– Я иду прямо сейчас, – твердо сказал он. – Ты – остаешься.

Руна негромко вскрикнула. Бросилась к его ногам, схватила за голени.

– Миленький...

Он грубо отпихнул ее. Она вцепилась в его грязные холщовые штаны. Нагнувшись, он забрал в ладонь толстый пучок ее волос, накрутил на руку, – волосы затрещали. Руна тихонько взвыла и отпустила его, уперлась руками в землю.

Заставив ее подняться на ноги, он отпихнул ее, и женщина повалилась в кусты. Она убрала с лица волосы, и посмотрела на него. Тут что-то сдавило ему горло.

– Шуруй, куда хочешь, – прохрипел он.

Глаза албианки расширились от ужаса. Вскочив, она снова кинулась к нему. Сигурд остановил ее легким толчком в грудь, он постарался не переборщить с силой. Руна устояла.

– Это самоубийство, – прошептала она. – Ты умрешь, а я выживу! Назло тебе! Слышишь?

В эту секунду вдалеке, за спиной Сигурда, послышался смех. Он обернулся. В сторону крестообразного сооружения широкими неуклюжими шагами бежал рыжебородый мужик. Он беззаботно смеялся и неуклюже размахивал руками. Из круглого здания выкатился, вращая шаром-головой, терракотер и ринулся в погоню. Промежуток между беглецом и преследователем стал быстро сокращаться.

Оттолкнув Сигурда, Руна бросилась в заросли. Постояв несколько секунд, Сигурд вошел в скачок и кинулся за ней. Настигнув албианку, он сообразил, что она задумала. Руна бежала к селению терракотеров – в обход, по краю обрыва, стараясь при этом не высовываться из-за зарослей. Высоко подпрыгнув, Сигурд уцепился за ветвь и, подтянувшись на

одной руке, выглянул: что там, с тем человеком. Терракотер почти настиг рыжебородого, но тот юркнул под ветвь сооружения. Он все еще хохотал.

Сигурд спрыгнул и побежал дальше. В мгновение ока он обогнал Руну и спустя несколько секунд остановился там, откуда впервые ночью увидел поселение.

Терракотер завернул за ветвь сооружения, и его длинные извивающиеся руки стали ловить беглеца. Тот упал на четвереньки, на брюхо и пополз. Терракотер бросился за ним, и его голова исчезла за сооружением. Перед Сигурдом открылась возможность. Миг, когда надо рискнуть.

Раздался приближающийся треск: это из последних сил через лес неслась Руна. Ждать нельзя. Сигурд перепрыгнул через кусты и заскользил по крутому склону. Краем глаза он видел Руну: срезая путь, она пыталась пробраться через заросли. Мысленно проклиная ее, он побежал к сетке. Терракотер все еще не выглянул из-за сооружения, но человек, которого он ловил, отчаянно орал, должно быть, пытаясь вырваться. Сигурд оглянулся. По склону катилась Руна, кувыркаясь через голову. Ей удалось вскочить на ноги и пробежать шаг-два, но инерция тут же свалила ее, и она покатилась дальше. Сигурд подскочил к одному из столбов, поддерживающих сетку.

Чтобы преодолеть преграду, надо усилить скачок до отказа. Подошвы албианки уже стучат по земле.

Терракотеру, похоже, удастся уgomонить беглеца. Теперь он объезжает сооружение с другой стороны. Из-под ветви сооружения видны вращающиеся круги платформы.

Можно плюнуть на белобрысую, но поймают ее – станут искать и того, кто был с ней.

Ах ты псица преподлая...

Сигурд разворачивается, подставляет спину... стук шагов ближе... вдруг – шлепок, шелест гравия... вот зараза-то!..

Возня... опять шаги – та-та-та!.. тяжелое дыхание... ну, соображай, белобрысая...

Сообщила таки: с разбегу прыгает ему на спину.

Так, хорошо... теперь живо вверх, через сетку... он успевает заметить блестящую макушку железяки... толчок!.. Руна тыкается лбом о его затылок... Сигурд вскакивает, несется к зияющей пасти круглого здания...

Из-за угла железяки не видно. Снова смех-карканье рыжебородого, он все ближе... Но Сигурд быстрее, он уже влетает внутрь здания и... застывает перед железякой.

Терракотер готов к бою, «змееруки» воздеты к потолку.

Сигурд сбрасывает Руну, выхватывает нож... вон оно, место для удара – квадратная пластина на передней поверхности корпуса – на вид хрупко... Шаг в сторону – и...

– Нет... – страшным шепотом останавливает Руна. – Он выключен!

Точняк... Сигурд перекидывает нож в другую руку, хватает албианку за локоть. Справа вход – туда. Короткий про-

ход. Три двери, на пол падает зеленоватый свет. А смех рыжебородого все ближе.

Отпустив Руну, Сигурд заскакивает в одну из дверей. В помещении тепло. Вдоль стены сидит несколько десятков человек – мужики, бабы, детвора. Сложили руки на коленях, некоторые, шурша обертками, откусывают какую-то еду... запах странный... жуют неторопливо... есть незанятые места... Сигурд кивает Руне, бросается к одному из них.

– Нет, нет! Одежда! Нужна другая! – шипит Руна вслед, но Сигурд уже свалился на мягкое сиденье.

Где Руна?

Проклятие!

Сигурд вскакивает, бросается за ней. Остаются считанные секунды: терракотер вот-вот вкатится.

Руны нет и в проходе. На ум приходит мысль, что вот оно – самое время принять бой.

Он занимает оборонительную позу, сжимает рукоятку, но тут албианка с круглыми от ужаса глазами выбегает из соседнего помещения.

– Назад! – В руках у нее ворох синих тряпок. – Переодевайся. Мигом. Нож убери.

Не время для упрямства. На ходу Сигурд скидывает куртку. Они снова в зале жующих, и в этот самый момент терракотер наконец втаскивает в здание хохочущего мужика.

В скачке Сигурду совладать с одеждой быстрее, чем Руне. Албианке некогда стаскивать тунику, она накидывает поверх

синюю куртку с красным меховым воротником.

Сигурд перехватывает нож зубами, натягивает штаны: почти впору, только с застежкой никак не сладить, и куртка маловата.

Новый приступ безумного смеха наполняет здание эхом, заглушает треск отрываемых рукавов. Самодельный жилет налезает с горем пополам. Запихнув старую одежду и остатки новой за спинки сидений, Руна и Сигурд плюхаются рядом, плечом к плечу. Сигурд спешно прячет нож за пазуху. Мужик справа судорожно вздыхает.

Похоже, всей этой жующей толпе плевать на их появление, все поглощены своими нехитрыми животными занятиями. Лишь одного пухлого мальчугана лет десяти заинтересовывают внезапно ворвавшиеся мужчина и женщина. Поднявшись, он неуклюже подкрадывается к Руне, тычет пальцем в ее белоснежные волосы. Сигурд резко перехватывает его руку – тонкую, как веточка, и по лицу мальчика пробегает гримаса боли.

– Нет, – шепчет Руна, вцепившись обеими руками Сигурду в плечо.

Отстранив его руку, она встает и, взяв мальчика за плечи, быстро отводит на место. Вернувшись, наклоняется к уху Сигурда:

– Так ты сам себя выдашь.

– Заткнись, – огрызается шепотом.

Руна притискивается к нему, пытается унять дрожь. Ее

суматошность начинает его бесить.

За стеной слышится возня, – там железяка в угрюмом молчании борется с идиотом.

– Въедет терракотер – не двигайся, – шепчет Руна. – Ни на что не смотри, не разговаривай. Притворись, будто у тебя нет мозгов, и всё. Представь, что ты один из них...

– Заткнись, – опять огрызается Сигурд.

Еще слово, и он ее стукнет.

Шум в переходе утих: сдается, на этот раз смеющийся окончательно уgomонился. На минуту наступила тишина, – теперь ее нарушало только чавканье присутствующих.

Сигурд глянул по сторонам. Светящийся потолок, серо-зеленые стены с окошками – одни из них закрыты дверцами, другие растворены; в просветах видны остатки пищи.

Больше всего удивлял гладкий пол. Надо же, как им это удалось?

Бессмысленные глаза людей делали их похожими на мертвецом. У соседа справа отвисла челюсть. У сидящей неподалеку толстухи из мерно чавкающего рта вываливалась пережеванная пища.

«Тупые придурки!» – подумал Сигурд. Сроду до этого ему не приходилось чувствовать себя умнее кого-то, но эта толпа выглядела так, словно всем им и впрямь мозги вынули.

Внезапно из коридора послышалось негромкое жужжание. Сигурд замер: руки на коленях, спина прямая. Застыла

и Руна...

Первым в проеме появился бородач. Он парил в воздухе, схваченный под мышки железными руками терракотера. На лице бородача – бессмысленная улыбка. Сигурд успел оценить разницу между незнакомцем и Своном, с которым он его первоначально сравнил: чужак в кости потоньше, да и ростом поменьше.

Вот вкатился и сам терракотер. Вблизи он казался гигантом. Сигурд отвел взгляд и с безразличием уставился на стену. Он был готов к драке. Немного мешало напряжение, исходившее от спутницы. Сигурд чувствовал запах страха, охватившего албианку. Что, как и железака это слышит?

Терракотер наполз железной скалой и со слабым гудением прокатился мимо, на ходу плавно опуская человека. Ноги бородача коснулись пола. Краем глаза Сигурд заметил, что, разворачивая мужика, железака использовала все три «змееруки». Усадив человека, терракотер отъехал назад, минуту постоял, затем развернулся всеми кругами и стремительно покинул помещение. Еще несколько мгновений ступни Сигурда продолжали ощущать вибрацию.

Минуту или две Сигурд и Руна сидели неподвижно. В это время любопытный мальчишка снова встал, боком подобрался к Руне, остановился в трех шагах. Мальчишка молчал и только тупо таращился на ее волосы.

– Сиг, послушай, – шепнула Руна. – Там, в соседнем помещении, еще люди. Голые... совсем. Там прозрачные пере-

городки... И стеллажи с одеждой... Там ее на сотни... нет, тысячи человек!

За дверью снова зашуршало, Руна отпрянула. Терракотер прокатился мимо входа. Дождавшись, пока звук утихнет, Руна быстро повернулась к Сигурду:

– Какая-нибудь ужасная лаборатория. Мы пропали.

– Хватит, ты! – Сигурда охватила ярость. – Железяка нас не засекала.

Какие еще лаборатории? Белобрысая – дура. Да и сам идиот: пожалел, не убил... А эти... Кто такие? Чужаки. Странно пахнут. Он видел их. Видел пищу, одежду, машину... она их увозит. Куда? Да чхарь его знает.

Руна прижалась к нему. Он оттолкнул ее. Он готов был стукнуть албианку. Стоило труда, чтобы подавить злость.

– Железяка... – прошептала албианка. – Тот терракотер, он был просто охранником... За людьми следят не терракотеры... датчики...

Сигурда что-то кольнуло в пупок. Нож. Сунул руку за пазуху, поправил.

Пользуясь тем, что внимание большого человека отвлечено, мальчишка снова потянулся к белым прядям женщины.

– Нет... – Руна откинула их за спину. – Ну сядь же.

Мальчишка повторил одними губами: «Ну. Сядь. Же».

Сосед справа громко испортил воздух и печально вздохнул.

Сигурд осторожно вынул нож, нащупал на поясе брюк

небольшую петлю, сунул в нее лезвие. Нож повис, накренился: чуток привстанешь – тут же вывалится. «Выкинь», – завыл внутренний голос. Нет, еще чего! Оружие... оно три года было товарищем. Вытащил нож, задрал штанину, попробовал запихнуть за голенище бутса – лезвие оцарапало косточку.

Руна махнула рукой, гоня от себя назойливого мальчишку; снова негромко хохотнул рыжебородый. Из соседнего помещения – хлопки. Кто-то там взвыл, словно от боли, и тут же бухнуло упавшее тело.

– Ну же, топай на место, – шикнула Руна и пригрозила мальчишке пальцем.

Сигурд распахнул жилет. На внутренней поверхности – карман. Ага! – то, что надо... Сунул туда лезвие, аккуратно прорезал дно. Нож лег удобно, острие – где-то на уровне пояса, но в кожу не упирается.

Разобравшись с ножом, он вскочил, взял маленького пристава за шиворот и понес в дальний угол. Мальчишка не брыкался. Сигурд опустил его на стул. Тут в переходе зашуршали круги. Терракотер! Сигурд повалился на первое попавшееся место, раскинул ноги. Надо бы рожу поглупее сделать...

Въехал терракотер, в двух руках была кипа одежды, третьей он вел за собой низенького голого человечка: член маленький, как у ребенка. Поставив его около стены, терракотер бросил одежду на пол, положил одну из «змеерук» че-

ловечку на голову, словно бы измеряя рост. Затем подобрал что-то из вещей, стал ловко натягивать на него. Сигурд отвел взгляд, продолжая наблюдать боковым зрением.

Въехал еще один терракотер, ведя за собой двоих – мужчину и женщину. Подтолкнув их к куче тряпья, стал одевать. Одетых железяки гнали к свободным местам, затем уезжали и через минуту возвращались с голыми новичками. Когда заканчивалась одежда, терракотеры подвозили еще ворох. Весь процесс длился не меньше часа. За это время людей в помещении заметно прибавилось. Стало шумно. Люди толкали друг друга, некоторые поднимались с мест, раскачивались, переваливаясь с ноги на ногу, гудели, всхлипывали, бродили вдоль стен, жевали пищу, которую находили в окошках.

Вернуться к белобрысой или не стоит? Сигурд решил, что изображать сидячего идиота проще, чем движущегося.

Внезапно по стенам и полу прошла дрожь. Снаружи долетел низкий протяжный гул, точно где-то там огромный, как гора, великан испустил тяжелый вздох. Гомонящая толпа на секунду притихла, но тут же зашумела вновь.

Сигурд вскочил, быстро отыскал глазами албианку, сидевшую в противоположном конце ряда.

Руна вертела головой по сторонам: она, как и он, силилась понять, что происходит. Их взгляды встретились. «Что нам делать, Сиг?» – спросили ее глаза.

«Надо таки пробираться к ней», – подумал Сигурд, но тут

же вспомнил, что он слишком замечен. Как ни крути, а он на голову выше самого высокого мужика из толпы. Чтобы не привлекать лишнего внимания, он снова уселся на сиденье рядом с долговязым парнем и уставился на стену.

Тем временем оба терракотера завершили одевание новичков и принялись наводить порядок. Через несколько минут большинство людей сидели на местах. Один из терракотеров укатил, другой не спеша двинулся вдоль ряда, удерживая «змееруки» так же, как и тот терракотер, что на входе. По пути он время от времени выбрасывал одну из рук, подталкивая замешкавшихся людей к сиденьям.

Сигурд зевнул, демонстративно вывалил язык, повесил голову. Сердце билось ровно. В минуты опасности Сигурда всегда охватывало особое спокойствие – из этого состояния легче было делать скачок.

Железяка приближалась. Ох, и здоровущая, зараза... Вон та квадратная пластину на корпусе – на вид, вроде бы, хлипко. Ежели железяка кинуться вздумает, он в мгновение ока войдет в скачок, выхватит нож – и прямо в пластину!

Рот Сигурда наполнился терпкой слюной. Так бывало всегда за мгновение до прыжка на жертву. Он медленно вдохнул...

Терракотер прогудел мимо, ни на секунду не замедлив движения. Доехав до конца ряда и, видно, убедившись, что никто из людей устраивать дебош не собирается, он возвратился к выходу и остановился.

Сигурд перевел дыхание.

Тут снаружи что-то протяжно загудело. Сигурд наострил уши, но в эту минуту снова защелкало, захлопало в соседнем помещении, глуша другие звуки.

Вскорости и второй терракотер вернулся. Оба выехали на середину помещения, постояли, точно решая, что делать, и вдруг, развернувшись, двинулись прямо на Сигурда.

Нужно время, чтобы изучить противника. Сигурд не знал, насколько сильны железяки, но он усвоил с детства: нельзя недооценивать соперника. Неясны помыслы надвигавшихся терракотов, но глупо выдавать себя до того, как соперник сделает первый шаг. Было бы нелепо потерять жизнь, ввязавшись в рискованную драку с двумя гигантами.

Сигурд дал себе установку не подпускать железяк ближе, чем на семь футов, до тех пор, пока не выяснит их намерений.

Испуганно отпрянул в сторону мальчишка, не вовремя оказавшийся на пути железяк. Один из терракотов подхватил его и, повернув, мягко опустил в стороне. Второй заставил подняться молодую женщину, подтолкнул к мальчишке. «Змееруки» замелькали, собирая людей в кучу.

Зачем? Наверняка их повезут в город! Раз так, то и он с ними! Это шанс! Там как-нибудь притаится, обживется, ведь нынче же выходит прикидываться одним из них. Авось там ему пофартит узнать, где у железяк слабое место... Вот тогда-то и наступит час отмщения! За дядю Огина! За всех по-

гибших бигемов!

Когда очередь дошла до сидящего рядом темноволосого парня, Сигурд расслабился. После того, как парень перекочевал к другим отобранным, змееруки метнулись к нему, защекотали подмышками, обхватили туловище – бережно, мамаша берет свое дитя. Сигурд взлетел в воздух, пронесся над краем платформы терракотера, приземлился и вот он в толпе. Слишком высокий, слишком напряженный... Чуть присел, ссутулился... Делая как другие, намерился уйти, и тут мягкий толчок «змееруки» вернул его на место.

Один из терракотеров объехал группу людей, стал подталкивать сзади, второй загородил путь к сиденьям, куда хотели вернуться некоторые «тупые». Повинуясь толчкам «змеерук», толпа повалила к выходу.

Сигурд чувствовал взгляд албианки, но в ее сторону не смотрел.

На выходе случилась небольшая давка, но терракотеры в два счета растолкали людей. Через минуту все стояли у выхода перед сверкающей в солнечных лучах машиной с прозрачными стенами и такими же зелеными боками и низом, как у той, что уже увезла куда-то группу людей.

Автобус!

Сигурд огляделся и обмер. Того огромного крестообразного сооружения и след простыл! Гладкое пустое поле! Поверхность опустевшей территории поражала своей гладкостью. Сигурд вспомнил протяжный гул, заставивший вздрог-

нуть стены. Что за сила смогла оторвать единым махом от земли громадину и переместить ее, не прорвав сетчатого ограждения и не переломав деревьев в округе? Отмахнувшись от этих мыслей, Сигурд сосредоточился на происходящем. Он согнул ноги, чтобы меньше выделяться в толпе.

На месте водителя сидел терракотер. А может, это и не терракотер: слишком уж похож он на одного из этих людей.

Сигурд осмотрел спутников, стараясь выглядеть равнодушным. «Тупые придурки» больше походили на албов, лишь у двоих-троих волосы щетинились как у бигемов. У того парня, что сидел по соседству, были маленькие, близко посаженные глаза – характерная бигемовская черта, но темные волосы, к тому же завивающиеся колечками, делали его странным, забавным и уродливым. Пухлый мальчишка своим круглым лицом, усеянным коричневыми крапинами, вообще не походил ни кого из виденных Сигурдом за свою жизнь людей.

Куда их везут? Для чего железякам «тупые»? Сигурд стал воображать, как этих людей и его в их числе превращают в рабов – точно так же, как бигемы превращали в рабов подлых албов. Тут терракотеры принялись загонять их одного за другим в автобус, и он снова отвлекся от мыслей.

Мальчишка, которого затолкнули первым, прошел по проходу между сиденьями, свернул и, плюхнувшись на одно из них, придвинулся к окну. Он схватил кусок ткани, которым было завешено окно, принялся его нежно тере-

бить. Мужчины и женщины, вошедшие следом, не садились, а продолжали толпиться в проходе, толкая друг друга, постанывая и вздыхая. Сигурд, войдя в автобус, также остался стоять. Потолок был низким, голову приходилось наклонять, и затылок упирался в прогибавшуюся крышу. Левую руку Сигурд прижал к груди, осторожно ощупал нож. В тесноте автобуса он чувствовал себя не достаточно уверенно.

Отцепившись от платформы, в автобус забрался террако-тер. Он быстро распределил всех по местам и вернулся, чтобы загнать оставшихся. Вскоре все места были заняты. Рядом с Сигурдом опустилась старая женщина и почти тут же задремала. Продолжая разыгрывать ненормального, Сигурд стал таращиться в окно.

Пустота на месте крестообразного сооружения была на неземном, безмолвном языке о небывалой мощи терракотов, о странной судьбе «тупых», о неясном будущем взбунтовавшегося бигема...

Гладкая серая полоса, по которой катится автобус, пролегает по узкой лесистой долине между холмов, огибая их, порой взбираясь вверх и снова спускаясь вниз. На поворотах полосу ограничивают ряды столбцов. Через несколько миль от поселка терракотеров вдоль полосы среди высоких елей и сосен начинают попадаться прямоугольные щиты с яркими изображениями женских лиц и фигур и неизвестных предметов. Когда холмы заканчиваются, автобус выезжает к месту, где полосу пересекает другая, вдвое шире. Автобус сворачивает влево и движется на северо-запад. В маленькое зеркальце отражается приветливое лицо водителя. На водителе синяя одежда — точь-в-точь такая же, как и на том, первом. Возможно, албианка все-таки обманулась насчет того, что водитель терракотер: хоть оба они и похожи, как братья, да только больно уж этот тип на обычного парня смахивает. Пожалуй, водитель единственное существо, которое может контролировать в автобусе рабов. Стало быть, снова есть свобода выбора. Вряд ли стоит особого труда прикончить парня в синей одежде. Скажем, это можно сделать на одном из поворотов, когда автобус будет ехать медленнее. Затем, разбив окно, можно выскочить наружу.

Ладно, пускай пока тебе будет достаточно того, что ты осознаешь эту свободу.

Время от времени рука машинально нащупывает через ткань жилета рукоять ножа. Проклятье... ты ведешь себя как зверь, которого загнали в ловушку. Кончай дергаться.

Сигурд оглядывается на дремлющих спутников. Да уж, чахлый народец... Чхарь его знает, для какой это грязной работы железяки собираются использовать полоумных рабов.

Пухлый мальчишка вертит головой, глаза то на ярко-зеленую внутреннюю обшивку автобуса, то на разноцветные щиты за окном. Темноволосый парень пытается улечься на сидении; не найдя удобного положения, он растягивается прямо в проходе.

– Ма-лах... – бубнит во сне соседка. – Пу-ту-лук...

Неожиданно она вскрикивает и, дернувшись, просыпается. Медленно поворачивает лицо к Сигурду. От идиотского выражения старухи ему становится тошно до кислого вкуса во рту. Сигурд пихает ее локтем, отворачивается к окну.

Лес редееет, впереди виднеются серо-зеленые луга. В отдалении то там, то здесь торчат столбы, явно рукотворные, а по ним тянутся тонкие нити.

На вершине невысокого холма белеет сооружение. Полоса, огибая пологую низину с поблескивающим водоемом, ведет к тому холму. Чем ближе, тем отчетливее вырисовывается здание с двумя маленькими оконцами – и стоит оно почему-то на столбах. Под зданием возится человеческая фигура в оранжевой одежде. Дорога идет по дуге. Когда автобус подкатывает ближе, Сигурд замечает толстую. Теперь становит-

ся ясно: она прибирает участок. Под столбами – невысокое белое ограждение, оно подпирает густые кустарники. Между домом и дорогой торчит наклонившаяся жердь с красно-белыми полосками.

«Стало быть, это ее жилище. Прямо под открытым небом». До чего же нелепая мысль, и все же Сигурд прекрасно знает: так оно и есть!

Толстая баба в яркой оранжевой одежде без крышки да еще среди белого дня – настоящее диво, но, похоже, ему придется привыкать и к более странным вещам.

Автобус поворачивает. А это еще что такое? – дорогу за столбом пересекают несколько узких металлических полос – прямых, одинаковых, невероятно длинных, но не хватает времени толком их рассмотреть – деревья заслоняют вид.

Перед тем, как проехать мимо дома с толстухой, автобус замедляет движение. Баба поднимает голову, смотрит на автобус пустым взглядом, снова принимается за работу. Бабе автобус не в диковинку. Сигурд едет дальше, и тут он видит нечто поразительное. Четыре убегающих вдаль металлических полосы лежат на нескончаемых рядах серых одинаковых камней правильной формы. Это за пределами понимания Сигурда, и у него невольно отвисает челюсть. Автобус несколько раз ощутимо встряхивает. Чтобы не выдавать себя, Сигурд отводит взгляд от полос и смотрит вдаль.

Поверхность земли сглаживается, постепенно превращаясь в равнину. Вдали кое-где темнеют редкие перелески.

Впереди, в нескольких милях, видна россыпь светлых построек разной формы и величины. Разветвленные цепи домов, укутанных бледной осенней растительностью, облегают застывшую волну горизонта.

Город...

Да, железяка в печенку, самый настоящий! Нет нужды в подтверждениях. Достаточно один раз взглянуть. Сотни... тысячи домов – тех самых, о которых говорила албианка, – рассыпались по всей равнине. Их настроили терракотеры. Вот для этих тупых придурков.

Соседка что-то промышчала.

– Когда ты заткнешься? – шепотом огрызнулся Сигурд.

Как же он ненавидит своих попутчиков. Той самой ненавистью, что и раньше в нем была: теперь она обращена на тех, кого он называл тупыми. Зачем этим идиотам город? Бигемы, которых убили железяки, – не лучше ли им жить в этих домах?

Осознание несправедливости внезапно стало сводить Сигурда с ума. Ему захотелось пихнуть женщину так, чтобы та оказалась в проходе. Он уже вообразил, как она падает, но заставил себя сдержаться. За два дня знакомства с Руной Сигурд все-таки кое-что уяснил. Ярость укрощать надо – будь ты на охоте, перед броском или в обычной жизни.

Шевели мозгами, бигем! Ты ведь не считаешь, что твое бешенство всюду тебя выручит. Переборщи с этим – бед не оберешься. А коли считаешь, что это не так, вспомни Гат-

та...

Да уж, когда ярости в тебе через край, можно все потерять. Ты уж лучше сперва разберись, что долбанные железяки задумали. Разберись!

Ты – охотник. Силач, ловкач. Сумеешь удрать, спрятаться, защитить себя и прокормить. Ты веришь только в себя, обязан верить, ведь ежели веру потеряешь – пропадешь. Но какими бы ни были твои сила и ловкость, понять разум железяк они едва ли помогут. В голове не укладывается, зачем железякам убивать бигемов, которые умеют думать и говорить, и при этом давать одежду и дома каким-то дурачкам, что только мычат да гогочут.

Вот дерьмо! Внезапно Сигурд понял, как сильно не хватает албианки. Так сильно, что он сам с собой разговаривать начал. Скверно, что она там осталась. В паре-то все-таки было проще.

В конце концов, Сигурд решил, что Руну, скорее всего, подвезут следующим автобусом. А пока, хочешь – не хочешь, придется в засаде пересидеть. Когда она прибудет, он ее встретит, и дальнейший путь они продолжат вдвоем.

Город тем временем приближался, странные его очертания постепенно менялись. Хотелось бы знать, есть ли там, между домами, хвойный лес, пещеры?.. Через несколько дней листья облетят, схорониться можно будет только в елях и соснах. Приедет Руна, и он соорудит для них временное жилье. Впрочем, наверняка албианка тоже что-нибудь

подскажет... Тут Сигурд окончательно рассердился на себя: слишком быстро стал он прислушиваться к мнению чужаки, из-за которой Толстяка Уилла ненавидел и которую прикончить хотел.

Тут, нечаянно встретившись взглядом с водителем, он принялся как мог корчить из себя безумного, поглядывая час от часу в окно.

Неожиданно среди дальних деревьев мелькнуло ярко-оранжевое пятно. Это оказался еще один автобус, правда, другой формы. Он катил по дороге, пересекавшей ту, по которой ехал Сигурд. Через пару минут оба автобуса должны были проехать друг мимо друга.

Подкатившись к перекрестью дорог, водитель остановил автобус, пропуская второй, мчавшийся, не снижая скорости. Он был набит людьми. Сигурд успел их разглядеть. Тупые – сомнений не было.

Вдали показалась еще одна машина – синяя. Размерами она заметно уступала автобусам. Рассмотреть ее не хватило времени: автобус повернул и двинулся вслед за оранжевым. Было видно, как сидевшая сзади девчонка развернулась и прильнула носом к окну.

Через четверть часа город остался справа. Автобусы один за другим съехали с широкой дороги на узкую. Впереди белело маленькое поселение – несколько невысоких зданий, окруженных каменным ограждением. Автобусы подъехали, и ворота сами собой открылись.

Внутреннее пространство было ухоженным, деревья росли вдоль зданий правильными рядами.

Человек в длинной белой одежде заметил приближающийся автобус. Обернувшись, он что-то крикнул.

Первый автобус остановился возле входа. Второй прокатился мимо, доехал до следующего сооружения, замедлил движение и тоже остановился. Из здания быстро вышли двое мужчин в белом. У каждого в руках – короткая черная палка. Но что с их лицами? Гладкие и неподвижные, как у мертвецов.

Дверь автобуса с шумом распахнулась. Один из них заскочил внутрь и первым делом бросился к лежавшему на полу парню. Он коснулся парня своей палочкой, и тот, продрав глаза, заорал на весь автобус. Мужчина что-то сказал и, схватив парня за шиворот, заставил его подняться, а затем вытолкнул из автобуса. Напарник немедленно загнал его в темный дверной проем.

Сигурд огляделся. Глухие стены зданий, вдали справа и слева – ограды. Сбежать прямо сейчас – не задача, но будет переполох, а надо еще дожидаться Руну, и неизвестно, придет ли она следующим автобусом или придется торчать тут целый день. Как ни крути, а придется покориться обстоятельствам.

Сигурду не удалось избежать болезненного прикосновения палочки – не настолько болезненного, чтобы вопить, как тот парень, но все же малоприятного. Выскочив из автобуса,

он двинулся вслед за остальными.

В здании их ожидало еще несколько человек в белом – в основном мужчины и среди них две женщины. Люди в белом брали входящих под руки и уводили по двое. Сигурд оказался в паре с той самой старухой, с которой сидел в автобусе. Крепкий мужчина схватил их за локти и поволок по зеленому переходу. Подведя к одной из открытых дверей, он подтолкнул прибывших.

Пол и стены помещения выстилали блестящие квадраты – гладкие, точно выпиленные из льда, безупречно правильные. Два ложа, сиденье в углу, непонятные устройства, провода, тумбы. Две женщины в белом с лицами-масками двинулись навстречу, взяли спутницу Сигурда за плечи, подвели к сидению и усадили. Одна из них подошла к странной штуковине, стоявшей на трех тонких ногах, другая взяла старуху за подбородок, повернула лицом к этой штуковине, отошла. Вспышка! Старуха дернулась, ее тут же подняли с сидения, подвели к ложу, помогли взобраться.

Настала очередь Сигурда оказаться на сидении. Женщина шагнула к нему и, ухватив за бороду, развернула к странному световому устройству. На Сигурда уставился немигающий блестящий глаз. Проклятье! Ослепить надумали! Сигурд понял, что сейчас выдаст себя криком, и зажмурился. Женщина что-то проворчала. Тут же подскочил мужчина, встряхнул Сигурда. Злобный чхарь! Перебить людей в белом – это ж раз плюнуть. Сигурд взял себя в руки: рано драться. Он вы-

прямил спину, мужчина и женщина отстранились. Щелчок – и в глазах Сигурда побелело, а затем наступила ночь – вся в переливающихся пятнах.

Он стиснул зубы, чтобы не взвыть. Его схватили подмышки и заставили подняться.

«Терпи, бигем, – велел себе. – Зрение вернется... вскорости будешь видеть...»

Его уложили на ровную поверхность, к вискам и лбу приложили какие-то прохладные штуки.

Коли хотели бы убить, наверняка бы давно уже сделали это. Стали бы так далеко везти его – до самого города?

Сигурд на секунду открыл глаза. На белом мерцающем поле двигались, переплетаясь две тени. Он снова зажмурился. В эту минуту на запястьях и голених разом защелкнулось несколько ремней. Где-то над головой что-то клацнуло, затем ровно тихо загудело, – этот звук увлек бигема в беспроедную темноту.

Часть вторая

Город Алгирск

1

«Любить географию – это одно, а преподавать ее нынешним сомолфедам – совсем другое», – к такому выводу пришел Орест Крофович Зубров, проработав три месяца и одну неделю в средней школе номер один города Алгирска.

Когда три года назад в кабинете привинчивали доску – узкую, скользкую, с браком, – Зубров учился в Багровском Университете, и плотники не могли знать о том, что однажды этот кабинет перейдет в его распоряжение. Тем более, вряд ли они догадывались о поразительных габаритах будущего географа, за которые ученики дадут ему прозвище Бульдозер. Зубров и сам неожиданно понял, что до последнего времени словно и не замечал своих невероятных размеров, и теперь, внезапно ощутив их, никак не мог совладать с этим большим телом. Как бы там ни было, доска висела на обычном, стандартном уровне, и, когда, загораживая ее наполовину, молодой учитель писал, ему приходилось скукоживаться и приседать, и всякий раз это зрелище вызывало приступ веселья у сидящих в классе.

Зубров выбрал кусок мела покрупнее.

– А теперь запишем название этого массива, – сказал он.

Держа мел как щепотку соли, он стал выводить неровными буквами:

ТРАПЕЗУС

В студенческие времена это слово по непостижимой причине вызывало в нем благоговейный трепет – тот самый, который в альпинистах, должно быть, вызывает название Эверест. Кто знает, возможно, именно из-за этого подсознательного влечения Зубров на последнем курсе обратился в деканат с просьбой распределить его в Алгирск, расположенный в тридцати километрах от Трапезуса. Но сейчас в душе молодого учителя не было места для переживаний подобного рода, – стоя у доски, он терял в себе уверенность.

Корявый, блуждающий почерк Зуброва был предметом насмешек. Памятуя об этом, он старался писать аккуратно, как мог, но все же мел в руке, даже самому ему напоминавшей ковш экскаватора, уже на первой букве угрожающе затрещал. Когда Зубров подчеркивал надпись, обломок окончательно раскрошился, и вышло так, что конец черты он намалевал большим пальцем.

– Мел экономь...те, – напомнил Контиков, сидевший на задней парте. – Государственное добро.

– Не хухры-мухры, – лениво добавил Гудастов, его сосед.

Послышались смешки – злобные, ждавшие своего часа. В ту же минуту что-то неожиданно стукнулось о толстый рукав пиджака – то ли бумажный комок, то ли ластик. «Началось», – подумал Зубров, досадуя на собственную беспомощность. Тут же по привычке он принялся себя убеждать: «Успокойся. Они не должны видеть, что тебе худо».

До февраля, пока учитель химии и классный руководитель десятого «А» Жанна Генриховна не вернется с курсов, Зубров за неимением других кандидатур был временно назначен на ее место. В десятом «А» учились отпрыски известных в Алгирске людей – завгороно, завунивермага, второго секретаря горкома партии, и, самое главное, любимец всей школы Ард Локков – сын секретаря Алгирского обкома.

Зубров не мог понять этих странных, жестоких подростков. Семь-восемь лет назад, когда он сам сидел на школьной скамье, все представлялось иначе, и сомолфеды были другими. Всех его бывших товарищей можно было, не кривя душой, назвать достойными членами славной организации, имя которой они носили: Союза Молодежи Федерации. Вместе учились, пели песни, ходили на лыжах, играли в хоккей... Что же изменилось? Ведь прошло всего несколько лет, а как будто – целое столетие. Зуброву казалось, что в сегодняшних подростках странным образом соединены ребячья беспечность и взрослая умудренность. Он их боялся, а, ко-

гда боялся, становился малолдушным. Стоя перед ними, он чувствовал себя смешным, несведущим и – самое главное – в чем-то повинным. С одной стороны нынешние сомолфеды умели достаточно ловко прихвастнуть знанием федерационных кодексов и были политически подкованы, что, несомненно, являлось плюсом. С другой – они хоть убей не желали учить школьные предметы, носили длинные спутанные волосы, брюки-клеш и какую-то нелепейшую атрибутику в виде обручей и разукрашенных амулетов, что было сущей ересью. Даже Локков (да что там «даже» – он-то в особенности!) вытворял что-то немыслимое со своим внешним видом, точно пытался себя в скомороха превратить. И вот эти ряженные подростки целый день занимались тем, что с напыщенным видом перекидывались фразами о политической обстановке в мире, а если кто запускал тему о новой моде или заграничных музыкантах, то ее тут же подхватывали и начинали развивать. И в этой всеядности нынешних сомолфедов был страшный, непостижимый парадокс, сводивший Зуброва с ума.

На эти маскарады и ереси ни директриса Табитта Цвяк, ни завуч Гера Омовна, ни другие учителя прямо не указывали. Они лишь порой как бы мимоходом касались вопроса такими замысловатыми намеками, вроде «Мы, конечно, не лучшие, но и не худшие» или «Знайте меру, товарищи, но если что, спрашивать с вас будут». Однако Зубров прекрасно понимал, что под выражением «планомерное строи-

тельство психологической матрицы современного школьника», которое директриса и завуч повторять любили, они понимали не что иное, как необходимость борьбы с элементами чуждой идеологии в школьной среде. «Почему же не сказать прямо?» – удивлялся он про себя поначалу.

Да уж, это, конечно, неприятность, что сын секретаря обкома и его приятели заграничной заразе подвержены, но ведь они только подростки, и все еще исправить можно. Тем не менее, он и сам поддерживал эту странную игру и о противоречивом поведении учеников вслух никогда не говорил. Все же Зубров добросовестно ломал голову над тем, как противостоять «заграничной дряни», как он в мыслях это называл. Но, будучи от природы осторожным, он не спешил высказывать своих взглядов перед классом – слишком много сомнений возникало у него по ходу раздумий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.